

ВЛАДИМИР ШПАКОВ
**ПЛЕННИКИ
АМАЛЬГАМЫ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владимир М. Шпаков
Пленники Амальгамы
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63415633

*Пленники амальгамы:
ISBN 978-5-907220-62-1*

Аннотация

Разум всегда готов впасть в кошмарный сон, рождающий чудовищ. И этот сон в романе Владимира Шпакова «Пленники амальгамы» становится явью. Главный герой произведения – Его Величество Безумие, представленное в самых разных ипостасях. Своим крылом Безумие задевает каждого персонажа; перед каждым ставит зеркало, где отражаются изувеченные и искореженные души. Метаморфозы, которые претерпевают эти души, необычны, фантастичны, они выламываются из рамок обыденности и привычной логики. И в то же время говорят что-то важное о нас, здравомыслящих представителях рода человеческого...

Содержание

Часть I	5
1. Кай	5
2. Майя	44
3. Двойник	83
4. Капитан	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Владимир Шпаков

Пленники амальгамы

*Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.*

Ф. И. Тютчев

Душа безумцев – не безумна.
Мишель Фуко

© В. Шпаков, 2021

© ИД «Городец», 2021

Часть I

Мертвые души

1. Кай

Каждое утро он завешивает зеркала. Начинает с гостиной, где висит антикварное зеркало, упирающееся в потолок резным вензелем: ставит стремянку, накидывает на вензель одеяло и тщательно запихивает края за деревянный оклад. Стремянка подрагивает и поскрипывает, с трудом удерживая массивное тело, закутанное в засаленный махровый халат. Тяжко дыша, он слезает вниз, чтобы направиться в прихожую, где использует старую скатерть с бахромой (благо зеркало поменьше); в ванной достаточно полотенца. Еще одно зеркало – в его комнате, точнее, в *норе*, в смрадном логове, где он отлеживается после церемонии завешивания, – закрыто давно и навсегда. Отражающие поверхности его то ли бесят, то ли пугают, но, как только из *норы* доносится храп, я сдергиваю покрывала. Прятать их бессмысленно – утром все равно будет тупо и методично шарить по квартире и так-таки разыщет, чтобы опять завесить плоскости, где отражается небритая физиономия и потухшие глаза. И все же я делаю это в желании избавиться от ощущения, что в доме по-

койник. Или покойник впрямь есть? Тот, кто отлеживается в логове, чья физиономия покрыта щетиной, а глаза потухли – не походит на живого. Он забывает чистить зубы, может неделю не мыться и месяц не выходить из квартиры. Разве что вылезет на балкон, обычно в дождь, где может стоять часами, чтобы насквозь промокнуть. Живой наверняка бы продрог, подхватил воспаление легких и уехал бы в реанимобиле; а этому хоть бы хны! Прошлепает в логово, оставляя мокрые следы на полу, завернется в грязный плед и сидит, уставившись в стену. Через приоткрытую дверь видно, что лицо бесстрастно, оно похоже на маску языческого божества. Лишь иногда по лицу пробежит судорога, появится гримаса – и опять пугающая неподвижность сфинкса.

– Не понимаю – зачем?!

Это уже я срываюсь, не в силах терпеть абсурд. Пауза, затем звучит ответ:

– Не хочу, чтобы за мной наблюдали.

– Кто за тобой наблюдает?!

– Они. Их мир не похож на наш, и мы для них... Ну, что-то вроде зверинца. Точнее, альтернативной вселенной.

– Какой, к черту, вселенной?!

– Наша вселенная для них – средоточие кошмаров. Наш мир – это их ад. А мы исчадия ада!

То есть когда сфинкс оживает – хорошего тоже мало. Лучше бы покойник помалкивал в тряпочку, оставив фантазмы при себе; но, если его прорвет, как говорится, тушите свет.

– Они не относятся к нам всерьез, не переживай! Мы же не относимся всерьез к фильмам про зомби, правильно? Но чем-то мы любопытны, поэтому через зеркала за нами подсматривают.

– Ты их тоже видишь?!

– Их нельзя увидеть. Можно почувствовать. Вы тупые, ничего не чувствуете, но это ваши проблемы.

В интонации сквозит усталость, дескать, какой смысл объяснять вам, непосвященным, рожденным не летать – ползать?! И я сдаюсь. Можно спорить, сыпать аргументами и носиться со своей безупречной логикой как дурак с писаной торбой, но что толку? Чем убедительнее возражения, тем хуже. Что-то начинает сдвигаться в этой голове, когда загонишь оппонента в угол, исходя из благого намерения: вернуть здравомыслие. Или поделиться своим здравомыслием? В любом случае следует срыв, предваряемый мучительной мимикой, будто ему в одно место раскаленный шомпол вгоняют. А потом такое выползает...

Он воюет с монстрами в телевизоре, утверждая, что это неживые существа. Они, мол, состоят не из плоти и крови, а из пикселей, по большому счету – это электронные фантомы. И то и дело норовит швырнуть в очередного монстра (обычно – в смазливую дикторшу) тапку либо что потяжелее. Итог – перемещение «зомбоящика» на антресоль, подалеже от предметов, способных размогнуть кинескоп. А еще раньше он представлял себя пассажиром самолета, ко-

торому суждено вот-вот врезаться в скалу. Типа вся наша пятиэтажка со всеми своими насельниками есть турбореактивный летательный аппарат, в чьих двигателях топливо на исходе. А внизу горная гряда! Гул двигателей помаленьку затихает, то бишь керосина – йок, и три сотни пассажиров через считанные секунды отправятся в мир иной. Я пытался шутить (хотя какие тут, на хрен, шутки?!), мол, скопом помирать не страшно! А он кричал: «Страшно!» – и, как рекомендуют бортпроводники, сгибался пополам и закрывал голову руками...

На этом фоне завешивание зеркал – детская забава, гораздо мучительнее прислушиваться к звукам из его комнаты. Мерный скрип паркета не пугает, значит, ходит из угла в угол. Но ближе к вечеру скрип стихает, и я замираю. Дальнейшее непредсказуемо, как игра в «русскую рулетку». Может стук в стену послышаться, и тут поди догадайся – ногой стучит или головой? Может что-то со звоном разбиться, хотя, по идее, биться нечему: стеклянные предметы либо расколошмачены, либо убраны от греха подальше. А самое ужасное – его ор. Начинается с тонкой ноты, вроде как кто-то тянет долгое «И-и-и...», чтобы затем обрести нужные децибелы и резко взмыть утробно-хриплым «А-а-а!» На пике вопля мое сердце колотится так, что готово пробить грудную клетку. Внезапно звук обрывается, наступает звенящая тишина, а дальше опять «рулетка», потому что реакция живущих слева-справа (выше-ниже) непредсказуема. Могут сту-

чать по батарее, могут звонить в дверь или, перевесившись с балкона сверху, кричать: «Вы что, с ума посходили?!»

Насчет лежащего за стенкой – абсолютно в точку, но и тот, кто слушает ор с колотящимся сердцем, непохож на умственно полноценного. Соседей не должно быть, мы совершенно одни, в радиусе парсека разумных существ вообще нет! Этакое полное одиночество во Вселенной, когда заброшенные на окраину Галактики не имеют шансов вернуться в обитаемый космос; а те, кто кричат, – и впрямь электронные фантомы или, если угодно, голограммы!

Так вот: разве подобные мысли свидетельствуют об умственном здоровье? Вряд ли. Поэтому распаленный мозг, спасая себя от перегрева, в финале этого гранд-макабра тоже начинает вопить: «Когда же ты отключишься, черт побери?!» Мозг знает: внутренняя «батарейка» живущего за стеной имеет ограниченный заряд, после выплеска неизбежна отключка.

Статус-кво восстанавливается (хотя бы отчасти) во время сна. Неспokoйного, с бормотанием, криками и проклятиями непонятно в чей адрес. И все же это отдушина, возможность расслабиться, ненадолго вернуться из макабрического – в нормальный мир. Входя в *нору*, не включаю люстру (не дай бог разбудишь!), просто отдергиваю шторы, чтобы впустить свет законного фонаря. И начинаю приборку. Мертвенное неоновое освещение выхватывает из темноты тарелки с объедками, чашки с недопитым чаем, пепельницу с окурками,

блюде (опять же с окурками), пыль на книжных полках, пыль на компьютере... То есть пыль при таком освещении незаметна, но я знаю о ней и смахиваю тряпкой. Книжные корешки выстроились в ряд и давно не меняют расположения. Ницше рядом с Витгенштейном, тот соседствует с Шопенгауэром, за ним следуют Ортега, Слотердаик, Ролан Барт и прочие столпы современной (и несовременной) мысли. Даже в полутьме видно, что порядок следования томов – тот же, что неделю назад, месяц назад, etc. До книг давно не дотрагиваются, как и до компьютера. Хорошо это или плохо? Насчет книг плохо, насчет компьютера – не факт. Он такие перлы может выбросить в Сеть – мама не горюй! *Что* творится в этой черепной коробке, под этой нечесаной копной? Один бог знает, хотя, боюсь, даже ему слабó разобраться с неуправляемым потоком сознания.

Самое непереносимое в логове – запах. Тут стоит тяжелый, солдатский какой-то дух, из-за чего хочется зажать нос и выскочить вон. Лишь усилием воли, мысленно отключив обоняние, заставляю себя убирать огрызки, засохшие корки и выгребать из-под дивана засморканные и скрюченные носовые платки. Хорошо – не носки, он давно никуда не выходит и вообще не надевает носков. Платки же регулярно зашвыривает под диван, и выгрести их, кроме меня, некому. А главное, в его присутствии этого не сделаешь, он терпеть не может чужого вторжения, мол, не суйся в мою авгиеву конюшню! Она прекрасна в своем вонючем безобразии!

Порой приближаюсь к закрытому зеркалу, стаскиваю наброшенную простыню и всматриваюсь в отражение. Полумрак скрадывает детали, в зеркальной глубине мерцает лишь темный силуэт, чей именно – непонятно. Представим: отражается тот, кто храпит на диване. Вероятно, он тоже не любит разглядывать себя при свете, любит таинственный полумрак. А тогда вполне может показаться, что по ту сторону амальгамы, в зазеркалье, живет некий черт. Но назвать черта чертом он боится, потому и выдумывает ересь про альтернативные вселенные. Или там живет нечто другое? Некая тайна, загадка, решив которую, подберешь магический ключик к решению всех проблем? Внезапно вспоминается сказка про зеркало злого тролля, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, а все негодное и безобразное, напротив, увеличивалось, бросалось в глаза и делалось хуже, чем на самом деле. Когда зеркало разлетелось на мелкие осколки, оно не утратило своих качеств, и каждый осколок, попадая в глаз или сердце человека, превращал его в монстра, чье отношение к окружающему миру менялось с веселенького плюса на огромный черный минус. И тот, кто спит, возможно, и есть мальчик Кай со злосчастным осколком внутри. Как иначе объяснить чудовищные фантазии, страхи, крики? Кай не виноват, ему просто не повезло! И если приложить усилия, произвести некую операцию по изъятию осколка, все чудесным образом изменится. Поутру спящий проснется, протрет глаза – и увидит мир в другом свете.

Кай удалится в свою сказку, с дивана поднимется Максим, *красивый, двадцатидвухлетний* (по паспорту ему и есть двадцать два), и весь морок, насланный коварным троллем, рассеется, как утренний туман. Уйдет одутловатость, рыхлость, исчезнет дурной запах изо рта, потухшие глаза вспыхнут, а засаленный халат окажется в помойном ведре. Многомесячное заточение закончится, он выйдет на улицу, прогуляется по пешеходной зоне (ее открыли недавно, Максим там еще не был), где встретит университетских друзей. А может, девушку по имени Аня, которую он обязательно пригласит в кафе и займет интересной беседой. Максим может любую тему развить, он же умница! И девушки за ним стайками бегали, как и друзья, считавшие *Макса* душой компании. Где вы, друзья, где прелестные гурии-однокурсницы?!

«В Караганде!» – отвечаю себе, сдерживая разгулявшуюся фантазию. Обстановка и без того сюрреалистическая, наверное, зеркало виновато. Его мерцание завораживает: вокруг силуэта серебрится аура, мелькают радужные блики от фонаря, все так таинственно, чарующе – того и гляди покажет рожу потустороннее *нечто*. А тогда лучше накинуть простыню обратно и выйти вон.

В сон проваливаюсь благодаря таблетке-другой имована, что обволакивает мозг пеленой и убаюкивает, позволяя забыться до утра. Под снотворным сплю мертвецки, но перед пробуждением начинают наплывать видения. Сегодня, например, гоняюсь за неким подростком по темному лесу, кри-

ча тому в спину: «Крибле, крабле, бумс!» Думается: это Кай, значит, заклинание поможет его расколдовать. Только куда там! Подросток, хохоча, с легкостью улепetyвает, лавирует между стволами, я же цепляюсь ногами за кочки и валежник, то и дело плюхаясь носом в мох. Лес становится гуще, темнее, и вдруг вместо привычных кочек под ногами разверзается болото! Я проваливаюсь по пояс, затем погружаюсь по грудь. «Крибле! – ору. – Крабле, мать вашу!» Но эффекта ноль, а подросток, обернувшись, хохочет, причем злорадно так...

Утром расчехляю завешенные вчера зеркала. В логове Кая (так условлено) зеркало остается закрытым, но в гостиной, прихожей и ванной своевольничать разрешается. Проснувшийся Кай, горестно оглядев разрушенную идиллию, опять хватается за скатерти и гардины, вроде как складывает слово ВЕЧНОСТЬ из льдинок, осуществляя бессмысленный Сизифов труд. Можно сказать, Кай – герой Сизифова труда! А? Неплохая шутка, *bon mot*. Жаль, состояние Кая не располагает к шуткам, тут все более чем серьезно. Взять хотя бы кормежку, каковая мало интересует Кая. У Максима, помнится, был отменный аппетит и при этом спортивная фигура; Кай потребляет пищу через пень-колоду, не занесешь в *нору* кашу либо яичницу – может день просидеть голодным. А фигура – рыхлая, полноватая, наверное, из-за воды, которую он поглощает в невероятных количествах. Вот и сегодня, пробудившись в полдень, Кай вначале

долго и жадно пьет.

– Есть хочешь? Могу омлет приготовить. Или кашу.

Опустошив кружку, он кривит рот в усмешке.

– Каша, омлет... Суфле, камамберы... Желудочно-кишечная цивилизация!

– А без обобщений можно? Я просто спросил: завтрак приготовить?

Но тот молча уходит из кухни, чтобы заняться любимым делом. Глядя на то, как он балансирует на стремянке, не могу удержаться от реплики: неужели, мол, твои наблюдатели круглосуточный пост выставили? Они ведь тоже иногда завтракают, обедают, наконец, спят!

– Они совсем другие, – слышится из-под потолка, – непохожие на вас, тупых.

– Ну да, похожие на вас, продвинутых!

– И на нас непохожие. Но речь не о них. О вас!

– Чем же мы не угодили?!

Задрапировав зеркало, он спускается вниз.

– Большинство рода человеческого, – говорит устало, – космическая отбраковка. Она сослана на нашу планету, как в свое время англичане ссылали каторжников в Австралию. Зачем? Чтобы вы друг друга уничтожили – сами, без чужого вмешательства. Что вы с успехом и делаете.

– Но это какая-то провокация геноцида!

– Почему же? Вам дали шанс. То есть дали смотрящего – библейского Бога-Творца. Более разумная форма жизни да-

ла менее разумной форме инструкцию из десяти пунктов. Но вы не слишком усердно ее выполняете. То есть вообще не выполняете, а только жрете, кайфуете, гнобите друг друга...

– А вы, значит, выполняете?

– Мы хотя бы понимаем, что происходит. Вы – не понимаете!

Я знаком с этой бодягой, в ее основе разделение сапиенсов на *хуматонов* и *люденов*. *Хуматоны* – это мы, грешные, *людены* – они, обладатели подлинного знания. И хотя в высокомерных рассуждениях абсурда в избытке и подловить *людена* элементарно, я этого не делаю. Логический сбой в хрупкой конструкции, что создана в нечесаной башке, ведет к срыву.

Но сегодня почему-то хочется лезть на рожон.

– А твои друзья? – спрашиваю. – Бывшие, с факультета? Они тоже хуматоны, как ты выражаешься?

– У меня есть друзья?! – вскидывает брови.

– Были, во всяком случае. И девушка была, как же ее звали... Напомни!

На лице отражается мучительная работа мысли.

– Ты говоришь про тех, кого нет, – звучит ответ. – Они умерли, разве ты не знаешь?

Чувствуя, что пребываю в шаге от ада, сбавляю обороты. Увы, они-то живы, а вот Максим умер. Он исчез, вместо него мне подсунули Кая, в чьей голове причудливые мысли роятся будто пчелы после того, как в улей бросили горящую го-

ловешку. Это ты, Кай, *отбраковка*, это ты прибыл с какой-то планеты, где жизнь строится по абсурдным законам!

А ведь за окном нашей с Каем квартиры-тюрьмы должна быть нормальная жизнь (я говорю «должна», поскольку уже не уверен в ее существовании). Эта жизнь скукожилась и исчезла, как зеркало, на которое накинули гардину, – остались разве что звонки на автоответчике и SMS-сообщения. «Ты куда пропал?!» «Срочно перезвони главному!!» «Зайдите в ЖКС № 2, у вас долг по газу!» «Во вторник корпоратив на радио, не забудь!» Эта жизнь кричит разными голосами, возмущается, грозит, вызывает к чувству долга, приглашает на пьянки, я же торчу дома будто прикованный к скале Прометей. Мой Кай не орел, клюет не печень, а мозг, и все же сходство проглядывает. Найти бы Зевса, что меня приковал, поговорить по-мужски... Увы, Зевс – это я сам, специально взял отпуск да еще запасся липовым больничным. Куда поедешь отдыхать? Да пока не решил – куда-нибудь поужнее!

Догадывается ли о моем добровольном заточении кто-то из коллег? Возможно, хотя в глаза не говорят. В Пряжке трудно что-то скрыть, не мегаполис – провинция со всеми вытекающими. А если учесть, что Прометей трудится в районной газете, подрабатывает на радио и даже иногда приглашается на ТВ – приватность обеспечить стократ труднее. Но я стараюсь. И, если дело пахнет керосином, ужом изворачиваюсь, чтобы выхлопотать свободные дни и как-то обезопасить себя и моего визави. Философские бредни тут ни при

чем, они лишь верхушка айсберга; ниже гнездятся другие опасности: незапертая дверь, например. Открытая газовая конфорка. Пожар, наконец, ведь Кай запросто может уронить незатушенный окурок на матрас или палас. Отлучки из дому у меня минимальные, не дальше магазина, причем обратно всегда на рысях, с бьющимся сердцем, ожидая из форточки на третьем этаже истошное «А-а-а!!». Поэтому неудивительно, что законный мир блекнет, исчезает и превращается в нечто виртуальное. Вся реальность (если это можно назвать реальностью) сосредотачивается в четырех стенах, где разыгрывается пьеса абсурда на двоих.

Активно Кай реагирует только на дождь. Стоит забарабанить каплям по отливу – выходит на балкон, где торчит часами; морозящий дождь переходит в ливень, а он стоит, словно хочет насквозь, до кишок и костей пропитаться атмосферной влагой. На взывания вернуться – ноль внимания, лишь физиономию вверх задирает, силясь разглядеть что-то в серых, набухших водой тучах. Сверкает молния, слышатся раскаты, но Кай и не думает покидать балкон, пялится на вспышки, похоже, кайфуя от звуков грома.

Чувствуя полное бессилие, мечусь по комнате, где вскоре появятся мокрые следы. Идущие от балконной двери к его комнате, расплывчатые и огромные, они напоминают следы йети. Да-да, он не совсем человек, в нем живет чудовище, которое спустя час-другой вернется в *нору*, оставляя за собой маленький ручеек, стекающий с насквозь промокшего

халата. Я иду за ним, вижу, как он прямо в халате укладывается на диван, и чувствую, как внутри набухает бешенство. У меня заканчивается отпуск, а возвращения к норме (да что там – хотя бы к намеку на норму!) так и не произошло. Кай не умер, Максим не воскрес, итог нашего двойного заточения – реликтовый гоминид, абсолютно не реагирующий на человеческий язык. А тогда следует подойти, развернуть гоминида от стенки и хлестануть ладонью по опухшей физиономии.

– Ты будешь слушать, что тебе говорят?! Будешь слушать?!

Еще удар, потом еще!

– Ты понимаешь, что я не смогу работать?! Писать, брать интервью, вообще уходить из дому?! И мы с тобой просто сдохнем с голоду, хоть это ты понимаешь?!

Продолжаю хлестать, и голова йети безвольно перекачивается слева направо и обратно. То есть опять реакции ноль! И тогда накатывает отчаяние. В бессилии опускаюсь на пол рядом с кроватью; еще немного, и из моей глотки тоже вырвется дикое «А-а-а!». Хочется, чтобы наше жильё провалилось куда-то в преисподнюю, чтобы хляби небесные разверзлись, и нас смыло волной вселенского потопа...

Спустя время истерика уходит. И накатывает стыд.

– Максим, прости меня... Слышишь?

Он лежит, отвернувшись к стене.

– Ты же можешь простудиться, серьезно заболеть...

По опыту знаю: он не заболеет. Но хочется чего-то привычного, нормального, как у всех, и я, смахивая слезы, выдавливаю из себя беспомощные оправдания...

* * *

Свободу завоевываю посредством двух желтеньких таблеток: их нужно растолочь на блюде фаянсовым пестиком, после чего незаметно подмешать в пищу Каю. Почему незаметно? Потому что Кай отвергает любые препараты категорически. Просто выбрасывает их в сортир, а уж *что* при этом говорится в мой адрес, равно как и в адрес мировой фарминдустрии... Но выхода нет, жизнь, о которой почти забыл, наваливает куль с обязанностями, их надо выполнять, для чего следует обезопасить себя и моего поднадзорного. Желтенький препарат не превратит Кая в Максима (увы!), зато гарантированно отключит, свалит, срубит с ног и т. п. А тогда конфорки окажутся закрытыми, дверь запертой, никто не вывалится с третьего этажа, а крик снежного человека не прорвется сквозь бетонные перекрытия.

И все же беспокойство не отпускает. Я даже с виду не принадлежу к миру обычных людей, к их заботам, радостям и горестям: на носу у меня темные очки, на голове бейсболка с низко опущенным козырьком. Хочется быть господином инкогнито, человеком-невидимкой, отделенным от прочих горожан, бегущих по своим делам.

Особенно много бегущих на проспекте Победы, главной городской магистрали, проходящей через дамбу. Это земляное сооружение пересекает огромный овраг, внизу которого теснятся частные постройки и змеятся тропки, параллельные центральной улице. А главное, там абсолютно нет людей! На Победе их пруд пруди, несмотря на будний день, внизу же никого, поэтому после недолгого размышления спускаюсь на дно оврага. Не нужны мне знакомые, как и коллеги по работе; вообще никто не нужен (за время заточения я буквально одичал).

Проруха, однако, подстерегает и здесь.

– День добрый! – перегораживает дорогу некто в кирзовых сапогах.

– Добрый... – бормочу, – но я что-то не припоминаю, что-бы мы...

– Да вы же из газеты! К нам приезжали, когда наши халупы начальство сносить собралось! Помните?!

Ну да, когда-то писал в защиту проживающих в овраге...

– Вспомнили, да? А я вон в том доме живу, на склоне! – указывает обладатель сапог. Зависает неловкая пауза.

– И как? – спрашиваю. – Больше не пытаются сносить?

– Не, вы охоту отбили! У нас газета с вашей статьей до сих пор хранится!

Неожиданная встреча, случись несколько лет назад, доставила бы законное удовлетворение, мол, не зря ем хлеб, нужен! А тут ни малейшего удовлетворения, лишь досада на

то, что плохо замаскировался. Еще глубже надвигаю бейсболку на лоб, прощаюсь и чешу дальше, поскользываясь на подмокшей тропке.

Следующий визит в ЖКС №2, что тщетно пытается взыскать с меня недоимку. Я давно запутался в счетах, падающих в почтовый ящик, и наверняка что-то из них потерял. А тогда изволь бегать по кабинетам, пытаясь найти нужного клерка. Безумие – полчаса искать того, кто возьмет с тебя деньги, но безумием меня не удивишь. Я и тут не могу отрешиться: наблюдаю, как блондинка сурового вида заполняет квитанцию на оплату газа (нашелся клерк!), и вспоминаю очередной пассаж поднадзорного:

– Хуматоны – рабы углеводородов. Убери от вас нефть и газ – моментально сдохнете. Вы напоминаете вампиров, что присосались к телу земли и высасывают из нее продукты трупного распада.

– Какого, к черту, распада?! – раздражался я, слыша в ответ, дескать, углеводородные ископаемые образовались из низших животных, живших миллиарды лет назад. И мы (*хуматоны*) – что-то типа падальщиков, все наше благополучие зиждется на переработке разложившихся трупов.

Заполнение движется медленно, кажется, блондинка специально мурыжит нерадивого плательщика. И подкатывает желание ляпнуть чего-нибудь насчет углеводородной зависимости современной цивилизации, чтобы у мадам глаза на лоб вылезли. Под сурдинку можно скомкать платежную ве-

домость, объявив: отныне я отказываюсь сжигать продукты распада, а договор с ЖКС №2, посредником газоснабжающей компании – расторгаю! Понятно, я этого не провозглашаю. Пока хватает ума и воли не отдаваться на волю безумным порывам, но послед тянется, пуповина не обрывается, отчего на душе тревожно и тоскливо...

Город тоже пробуждает тоску. Искоженный-изъезженный, он знаком до последней запятой, ну, если принять новомодную концепцию (ау, Кай!), что нынче все на свете – *текст*, в том числе городское пространство. На роман Пряжск не тянет, конечно, не тот масштаб. Для рассказа он великоват, а вот для повести – годится. Скучноватой повести, без неожиданных сюжетных поворотов и замысловатой игры образов. Основа текста индустриальная, это дюжина предприятий разного масштаба, на каждом из которых когда-то пришлось побывать (газетчик, как-никак!). Но вагранки и станки с ЧПУ воодушевят разве что мастера производственной прозы, скуку этим не развеешь. Полдесятка церквей восстановлено, четыре из них действующие, только душу обмануть трудно, увы, не сумел (да и не старался) воцерковиться. Чем еще любопытна повесть? Памятником богатырям земли русской, парком с деревянными скульптурами, драматическим театром и даже своей филармонией. Но и «культурная среда» не греет. То есть когда-то грела, все театральные премьеры посещались, как и филармонические концерты. В рестораны захаживал, по парку регулярно прогуливался, благо

жили тогда рядом, на Победе, а вот теперь интерес утрачен. Из всей повести актуальной выглядит лишь крошечная глава, а может, закономерный эпилог под названием «Пироговка». В Пряжке любой пацан знает это словечко, а уж взрослые и подавно. Звучит оно на каждом шагу, обычно с ироническим подтекстом: «Ты что – с Пироговки сбежал?!», «Тебе пора в Пироговку!», «Ну, вообще дурдом! Пироговка натуральная!»

Эта самая Пироговка являет собой полдесятка краснокирпичных корпусов, что запрятаны в глубине лесопарка, расположенного далеко и от дамбы, и от театра с филармонией. Зачем такое учреждение на центральные улицы выставлять? В городской чулан его, в медвежий угол, чтобы не портило парадный вид. И я, скажу честно, с таким подходом согласен. Двигаясь по улице, я стараюсь забыть Пироговку, выбросить ее из головы, будто нет этого мрачного (а то ж!) учреждения. Нет его! Нет!!

Н-да, нет повести печальнее на свете...

Возле сквера еще одна незапланированная встреча. Я бы с удовольствием ее избежал, только глаз художника не обманешь темными очками, Монах в любом обличье вычислит.

– Ты чего, старик?! От солнца спасаешься?! Так вроде пасмурно...

– Глаз болит... – бормочу, – у меня этот... Конъюнктивит!

– А-а, понятно!

В неизменном черном берете, Монах торчит у кованых во-

рот, ведущих в зеленую зону с фонтаном и памятником тем самым богатырям. Сам на походной брезентовой табуретке, вокруг – с десятков холстов с намалеванными гротескными физиономиями земляков и плакат с ценником: «Шарж – 300 р., Портрет – 200 р.». Сашка Монахов отличный живописец, и график хороший, вообще член Пряжского отделения Союза художников. Но жить как-то надо, приходится, как он говорит, *выходить на панель*.

– Странные у тебя расценки, – говорю, озирая уродливые изображения. – По-моему, портрет должен стоить дороже.

– Согласен, – кивает Монах, – но тут ведь рыночная стихия. То есть предложение определяет спрос.

– Хочешь сказать: шаржи популярнее?

– И значительно! Портрет, как известно – зеркало души. Но заглядывать к себе в душу люди не очень-то хотят. Им бы поржать, постебаться, они готовы на искажения, лишь бы правды не видеть!

Обхожу ряд мастерски исполненных карикатур. Женщина с вытаращенными, как при базедовой болезни, глазами, мужик с дебильной улыбкой до ушей, существо неопределенного пола, типа трансвестит, с развевающимися волосами. Волосы напоминают Медузу Горгону; да и остальные изображения пробуждают в памяти то ли Иеронимуса Босха, то ли картинки из «Крокодила».

– А может, это и есть правда? – задаю вопрос, пройдясь вдоль «вернисажа». – Отражение их душ? Настоящее, без

прикрас?

– Какая разница? Они платят, я исполняю...

Почему-то теперь не стесняются выставить напоказ душевное уродство, даже йети-Максим на этом фоне выглядит прилично. Вот откуда странное удовольствие от карикатур: приятно осознавать, что мир, по сути, безумен, крив, кос, неадекватен...

– Ты чего-нибудь слышал про хуматонов? – спрашиваю.

– А это кто?

– Большинство рода человеческого. С виду похожи на людей, но они... Не до конца родились, что ли. Из детородного органа благополучно вылезли, смело зашагали по жизни, а внутри вроде как недоделанные. Так, не до конца рожденными, и помирают!

Зависает пауза.

– Старик, что-то тебя на философию потащило... – привстав с табуретки, Монах хлопает по плечу. – Лучше про себя расскажи. Куда пропал? О тебе спрашивают, а я ничего сказать не могу...

Излагаю отработанную версию насчет отпуска. Мне наплевать, верят или нет, я закрыт, как ракушка, давно никого не посвящаю в подробности своей жизни. Даже Монаха, когда-то дружившего с нашим семейством и написавшего однажды семейный портрет. Где та семья? Опять же – в Караганде, и Сашка был бы просто золото, если бы не касался этой темы...

Но он касается, предлагает опять сделать портреты, только теперь отдельно меня и сына.

– Где он, кстати? Я его уже столько времени не видел...

Мое лицо кривит судорога – хорошо, глаз не видно. Возможно, Сашка догадывается, но, как вежливый человек, не выпячивает догадки; я же бормочу про академический отпуск и отъезд к родственникам.

– Понятно... Ладно, заходи в мастерскую, выпьем, как раньше. Когда ты на Победе жил, чаще встречались.

Киваю, мол, обязательно зайду. А ко мне, Саша, заходить не надо. Это мой «Корабль дураков», я там и капитан, и боцман, и палубная команда; а вот для пассажиров места не предусмотрены.

Попрощавшись, двигаюсь дальше, к своей цели. Цель имеет обличье старинного особняка, выстроенного в стиле русский модерн и некогда бывшего во владении купца Мальцева. После революции особняк передали профсоюзам, где они влачили свое существование, пока градоначальник не повелел их выселить. Вначале хотели вселить туда управление железной дороги, потом еще кого-то, но тут Пряжску повезло – открыли филиал питерского университета, точнее, трех гуманитарных факультетов. И в Мальцевку (так называли здание) въехали философы. По этажам вместо унылых функционеров забегала интеллектуальная молодежь, там зазвучали умные речи, и однажды по гранитным ступеням поднялся...

Вспомнив Кая, перед ступенями останавливаюсь. В очередной раз захлестывает тоска, когда вижу молодых парней и девушек, что входят в резные дубовые двери, выходят оттуда, оживленно переговариваясь, то есть живут своей жизнью. Веселой, полноценной, с планами, перспективами, результатами. А мой поднадзорный похоронен заживо, замурован, по сути, превратился в мумию. Когда тоска накрывает с головой, отхожу за угол и достаю сигарету. Не будем спешить – больше года ждал, могу еще подождать, ведь документы Кая лежат в сейфе и есть не просят. Всякое бывает: с зимнего семестра Максим, возможно, опять вольется в ряды студийцев и будет, как и прежде, блистать...

Увы, сам не верю своим доводам. Вольется, будет блистать! Мумия на это не способна!

Документами заведует седовласая дама, каковая делает мне выговор, дескать, два года академотпуска – нонсенс! Это вопиющее нарушение правил, не понимаю, как такое вообще позволили! По ходу обвинительной речи она роется в шкафу (насчет сейфа я преувеличил), разыскивает папку с делом и звучно хлопает ею об стол. А далее: вы знаете, что у нас недавно была комиссия из Министерства образования?! Мы же новый филиал, за нами глаз да глаз, мы должны качество преподавания обеспечить! Дама кипит праведным гневом, перебирая аттестат, характеристику и прочие бумаженции, свидетельствующие о подготовке и личностных качествах моего Кая. Права ли она? Безусловно, ее негодование оправ-

данно. Неоправданно мое негодование, точнее, ярость, что внезапно выплескивается. Кажется, я произнес слово «заткнитесь!». Возможно, даже «заткнись!», и еще что-то произнес, вроде бы совсем непотребное. И наплевать, что это защитная реакция – вот вызовет охранников и будет, опять же, права!

Положение спасает некто хромоногий, с выдавшим виды портфельчиком в руках. Войдя внутрь, тот хромает к столу седовласой и пытается ее урезонить (первоначальный испуг прошел, вот-вот грянет ответный гнев).

– Все в порядке, Марина Петровна, не надо так эмоционально... Студенту Знаменскому было специальное разрешение на два года академотпуска... В общем, отдайте документы, и мы уйдем.

Видно, хромой в авторитете, его слушаются, хотя документы, конечно, не отдают, а швыряют. И припечатывают: «Хам!» После чего меня выводят, ласково взяв за локоть, ведут куда-то по коридорам, по черным лестницам, чтобы в финале путешествия распахнуть передо мной двери каморки, забитой книгами. В свое время, надо полагать, купец держал в каморке прислугу либо собаку, а вот теперь тут, понимаешь, анналы...

– Мой кабинет, – улыбается хромоногий, – тесновато, зато приватность обеспечена. Значит, Максим не выйдет на учебу? Я сразу понял, что речь о нем, попытался сгладить...

Отвечаю, мол, в следующем году выйдет. Зачем я вру? По

привычке, а еще для облегчения.

– Тогда придется поступать на общих основаниях. Мы и так писали письмо ректору, чтобы второй год выбить... Да, жаль. Большие надежды подавал!

Вспоминаю, как Максим рассказывал про хромого доцента со странным прозвищем Штрихкод. Кажется, это из-за фамилии Штрих (тоже странной), но по фамилии к человеку обращаться не будешь, тем более к тому, кто тебя только что выручил.

– Извините, не знаю, как вас...

– Ах да, не представился! Аркадий Ефимович. А вы, как я понимаю, отец Максима?

Кивнув, снимаю очки. Теснота каморки-кабинета дает возможность без труда читать на корешках фамилии, многие из которых знакомы – тот же набор титанов мысли и виртуозов философского дискурса, что на полках Кая. Но Аркадий Ефимович, видно, свой среди титанов: не обращая на них внимания, роется в ящиках стола, перебирает стопки бумаг, что высятся на столешнице.

– Где ж эта работа... – слышу бормотание, – извините, время прошло... А Максим, значит, не уехал в Петербург?

– А должен был?

– Вроде собирался... Как он вообще? Год назад заходил, мы подискутировали, но больше я его не видел...

Наконец извлекается тоненькая стопка листов на скрепке. В сравнении с толстенными фолиантами, что теснятся

на полках, она выглядит ничтожной, и очень странно, что Штрих поднимает ее над головой, как нечто сакральное.

– Вот она! Хотел вернуть Максиму, но он почему-то не захотел забрать. А работа очень любопытная. Парадоксальная, я бы сказал – на грани фолла!

И хотя я для титанов чужой, внезапно вспыхивает интерес. Где грань этого *фолла*? Что за гранью? Может, откроется некий секрет, то есть Штрихкод преподнесет на блюдечке штрихкод, в котором будет зашифрован рецепт спасения Кая? Этаким философский «Крибле, крабле, бумс»?

Объяснение сути сродни разговору китайца с эскимосом – ну очень разные понятийные матрицы в нас заложены. Я понимаю одно: любую системность Максим отрицал, считал глупостью, и чем дальше, тем больше погружался в экзистенциальную проблематику. Причем не в труды Сартра или Камю (это устарело, извините), скорее, в глубины восточной мудрости.

– Да вот хотя бы это... – пролистывают страницы. – Ага! Вся индусская философия – в чувстве ужаса. Ужаса не перед смертью – перед рождением. Ни у кого не хватает смелости сказать о «пропасти рождения», формуле, которая часто встречается в буддийских текстах. А между тем рождение – это пропасть, настоящая бездна... Это он цитирует Чорана. Читали Эмиля Чорана?

В ответ пожимаю плечами.

– Крайне пессимистический мыслитель. Самый большой

пессимист в прошлом столетии. Ну и Ницше Максима увлекал. Причем более всего последние годы жизни, когда тот представлял себя Христом, Дионисом и еще бог знает кем. Предсмертная истерика, отягченная душевной болезнью, но Максим почему-то очень этим интересовался!

Негусто, если резюмировать. Слышал, Ницше плохо кончил, но где он и где Кай? На «крибле-крабле», во всяком случае, объяснения не тянут, и тут же накатывает желание рассказать о завешенных зеркалах, о стоянии под дождем, об авгиевой конюшне, о диких криках йети... Вывалить, короче, подноготную, а потом спросить: ну как, Аркадий Ефимович? Чоран отдыхает?

Но я такого не сделаю. Даже если задают прямой вопрос насчет Кая-Максима, увиливаю: либо отмалчиваюсь, либо безбожно вру. Вот и сейчас, резиново улыбаясь, забираю работу, благодарю и обещаю, что передам автору.

Далее блуждаю по коридорам и лестницам купеческого особняка, ориентируясь на звук молодых голосов, щебечущих о своих молодых проблемах. Когда выгребаю в заполненный молодежью холл, украшенный маскаронами и большой резной розеткой под люстрой, тут же водружаю на носочки. Здесь наверняка тусуют бывшие приятели Кая. Помнится, год назад они еще звонили, кто-то даже заходил, пытался беседовать с затворником; но тщетно, все уходило несолоно хлебавши. А кое-кто и убегал, торопливо втискивая ноги в ботинки и забывая зонтик в прихожей. Тогда комната еще

не была конюшной, зеркала стояли открытыми, но месседжи Кая уже пугали, все более отделяли его от тех, кто сейчас вывалил в холл на перемену.

Двигаясь сквозь толпу, которая пребывает в броуновском движении, переговаривается, смеется, исподволь озираюсь. Иногда броуновские частицы обретают конкретный человеческий облик. Кажется, вот этот вихрастый брюнет был у нас в гостях. Или был вон тот, с большой головой и в массивных роговых очках? В голове вертятся имена-фамилии, плохо совмещаясь с реальными лицами. Да и что я им скажу, если угадаю? Здравсьте, передаю привет от снежного человека? Если честно, я боюсь быть кем-то узнанным. И одновременно – *хочу* быть узнанным, хочу проявления хоть какого-то интереса. Почему вам нет никакого дела до мумифицированного товарища?! Почему вы заняты исключительно своей жизнью, а помочь ближнему не хотите?! Обида душит, мельтешение молодых вокруг – бесит, так что я готов присоединиться к недавно услышанному, мол, они умерли. Удобная версия: представишь такое – и сразу легчает. Это лишь видимость реальности, тусовка привидений, они даже не *хуматоны*, и уж тем более не *людены*. Кай в свое время приписал к почетному ордену знающих и понимающих некоторых однокашников, но потом исключил. Взвесил на метафизических весах, нашел очень легкими и вычеркнул из списков. Они недостойны пребывать в рядах ордена, они ленивы и нелюбопытны, даже странно, что их зачислили на фило-

софский факультет!

Хотя меня интересует лишь одно лицо. Обнаружь его в толпе, не обознался бы, не перепутал фамилию, а подошел бы, и... Неизвестно, что бы произошло. Но мне очень хочется увидеть это лицо, вполне себе миловидное, хочется заглянуть в карие глаза, а еще лучше взять за руку, тонкую, с длинными пальцами, и отвести к нам домой, по дороге объяснив резоны.

Увы, нет нужного лица. Есть только стенд со списочным составом групп всех пяти курсов, к нему и направляюсь. Сейчас Кай был бы на пятом курсе, почти выпускник, а она должна находиться в списках четвертого. Да, она училась на курс младше, и, хотя номер группы не помню, прочесть все фамилии не составляет труда. Вот она, Прохорова Анна из группы 727! На соседнем стенде висит расписание, и остается только спросить у какого-нибудь студиязуса, где нужная аудитория, чтобы встать у двери, заглянуть в глаза, взять за руку и т. п.

Группа медленно втекает в аудиторию то ли на лекцию, то ли на семинар. Где же она?! Ага, идет, теперь следует вовремя перекрыть путь, поскольку из аудитории ее будет трудно вынуть. Встав на дороге, создаю небольшую пробку из молодых тел. Из-за ее спины уже доносится:

– Ань, чего застряла? Звонок через минуту!

Но мы молча глядим друг на друга. Несмотря на мой шпионский вид, меня узнали, и сейчас лицо Ани искажает бо-

лезненная гримаса, будто ее чем-то укололи.

– Мне нужно отпроситься, – произносит наконец.

– А дальше что? – напористо спрашиваю.

– Подождите меня на улице.

Не знаю, выполняют ли обещание, но путь освобождаю. Как иначе, ведь молодые сомнут по дороге к знаниям, а потому спустя пару минут уже курю на скамейке перед Мальцевкой. Возможно, я неправ. То есть стопроцентно неправ, я – утпающий, что хватается за соломинку...

Моя *соломинка* вскоре появляется из резных дверей. Приблизившись, садится и смотрит прямо перед собой. А затем начинается спич. Мол, не надо ее выслеживать, тем более являться на занятия, где куча знакомых. Если нужно пообщаться – есть телефон, номер наверняка сохранился (тут она ошибается, все номера давно стерты Каем). С другой стороны, она не понимает, на какую тему общаться?! Она сделала все, что могла, даже больше, чем могла!

– Вы что-то не то говорите... – произношу по возможности мягко.

– Почему же?! – звучит резкий вопрос.

– Надо начинать не с себя. Вы хотя бы поинтересовались его состоянием...

Пауза, после чего Аня просит сигарету. Видно, давно не курила (а может, вообще не курит), потому что начинает кашлять.

– Не очень состояние, – продолжаю, – точнее, просто от-

вратительное. Но это почему-то никого не интересует.

Прокашлявшись, Аня швыряет окурок в урну.

– А чем я могу помочь?! Именно я?! Вы не представляете – *что* он мне говорил! В том числе насчет наших отношений!

Почему же? Вполне представляю, например, не так давно я услышал, что любовь – всего лишь трение друг о друга слизистых тел. Истина оказалась заемной, из Марка Аврелия, хотя удивило другое – Максим во время оно вовсе не пренебрегал «трением», даже беспокойство возникло насчет того, чтобы у них раньше времени дети не появились. Может, зря беспокоились? Может, если бы появились, не случилось бы ужасное?

Впрочем, это очередная соломинка. Не помогут дети, как и карие глаза, которые упорно отводят. И тонкая рука с длинными пальцами, возмись я за нее, будет с испугом вырвана, потому что Аня боится. Я чувствую ее страх, ее стремление отодвинуться даже от меня, полпреда снежного человека, чего уж говорить о самом йети!

– Да, боюсь! – отвечают на прямой вопрос. – А вы разве нет?!

Я пожимаю плечами. Боюсь или нет – не суть важно. Поздно пить боржом, как говорится; если же прибегнуть к «глубинам восточной мудрости» – это моя карма, с которой не поспоришь...

Бессмысленную беседу прерывает некто мужского пола, в кожаном плаще и с коротким ежиком на голове. Выбежав из

резных дверей, он находит нас взглядом и быстрым шагом направляется к скамейке.

– Ты скоро? – обращается к Ане. – Препод интересуется: куда подевалась? Ты ведь докладчик сегодня, помнишь?

– Помню... В общем, я все сказала. – Она встает. – И больше, пожалуйста, меня не разыскивайте.

Обладатель плаща устремляет на меня холодные серые глаза.

– Подожди, Ань... От меня тоже просьба: оставьте девушку в покое. Она ни в чем не виновата. И теперь у нее... То есть у нас – своя жизнь, и лезть в нее я не позволю!

Он скачет передо мной, молодой петушок, хлопающий крыльями в присутствии дамы. Но ответа петушок не дожидается, мои крылья поникли, а клюв безвольно повис. Остается только молча наблюдать, как пара (а они, безусловно – пара) дефилирует к дверям и скрывается внутри особняка. По окончании занятий они выйдут обратно и, не увидев моей мрачной физиономии, с облегчением вздохнут. После чего отправятся на прогулку, перейдут через дамбу и усядутся в кафе «Пряжа», что на берегу реки. Закажут мороженое с шампанским и будут весело чирикать, обсуждая какой-нибудь модный философский «тренд». А вечером или даже днем, не дожидаясь темноты, займутся *трением слизистых тел*, страстно, меняя позы и задыхаясь от желания, – что поделать, молодежь!

Вспомнят ли они того, кто сидит взаперти в квартире с

закрытыми зеркалами? Вряд ли. А если вспомнят, тут же замнут тему, дескать, что мы можем сделать?! Так что в сухом остатке негусто – документы Кая и его «парадоксальный» опус. Вспомнив сакраментальное: «Не выходи из комнаты, не совершай ошибки», жалею, что не остался дома (лежали документы больше года – полежали бы еще неделю).

Внезапно вспыхивает тревога. Что делает поднадзорный? Разогрел ли еду? И если да – не оставил ли сковородку на горячей конфорке? Было дело – возвращаюсь после отлучки, а в доме чад от сгоревшего постного масла и раскаленная чугунная сковорода! Вытаскиваю по привычке мобильный, затем в бессилии прячу обратно. Кай презирует гаджеты: либо отключает их, либо вообще вынимает батарею и зашвыривает туда, где валяются сморщенные платки – под кровать.

Когда тревога перерастает в панику, быстрым шагом направляюсь к остановке. Не первый раз представляю картину: во дворе урчит мотором машина с красным крестом, и дюжие санитары выводят из подъезда моего Кая. Тот дергается, выкрикивая нелепости и привлекая внимание соседей. Перед посадкой в машину удастся вырваться, после чего за человеком в засаленном халате гоняются по двору. Человек перепрыгивает детские качели, прячется за деревянной горкой, потом пытается залезть под скамейку. И кричит при этом в голос! Все население пятиэтажки уже торчит в окнах, с азартом, как зрители на гладиаторских боях, наблюдая за погоней. Ату его, психа, мешающего спокойно жить!

Наконец беглеца выуживают из-под скамейки, он исчезает в недрах машины, но зрители не покидают зрительских мест. Тут ведь я, тоже виновный! Остракизму подвергнуть того, кто покрывает невменяемого! Выкинуть к чертовой матери из нашего кондоминиума!

Игра воображения спровоцирована воспоминанием из времени, когда жил на Победе с родителями. У нас была соседка, жена замдиректора камвольного комбината, большого любителя женских прелестей. Муж ходил налево, неработающая супруга пила и допилась до психического расстройства, так что за ней приехали из Пироговки. Были санитары, беготня по двору, причем одета строптивая пациентка была именно в халат. В процессе борьбы халат сорвали, в машину ее засовывали в одних трусах розового цвета. Грязные розовые трусы и дикий ор, заставивший высунуться из окон половину двора, впечатались в мозг навсегда, потому и спешу к остановке. Стою пять минут, десять, автобуса нет, и я наискосок через парк бегу домой.

Скорой во дворе не видно, что уже хорошо. Через ступеньку скачу по лестничным маршам, с третьего раза попадаю ключом в замочную скважину, вот я и дома. В квартире тихо. С бьющимся сердцем прохожу на цыпочках к дверям его комнаты, пребывая в надежде на то, что Кай еще дрыхнет (желтенькие таблетки ко всему прочему обладают седативным эффектом, и они для меня – тот длинный поводок, что позволяет отлучаться из дома-тюрьмы по своим надоб-

ностям). Слегка приоткрываю дверь, чтобы в щелку увидеть: кровать пуста. Тогда дверь нараспашку, и вот картина маслом: Кай сидит за столом, обложившись бумагами, и что-то вычерчивает карандашом.

– Чем занят? – вопрошаю, успокаиваясь. (В ответ – молчание.) – Я, по-моему, тебя спрашиваю!

А тот и ухом не ведет, погруженный в непонятное занятие. Наконец поворачивает ко мне голову:

– Я делаю гороскоп.

– Ах, вот оно что...

– Посмертный, – уточняют после паузы. (О, черт! Не успеешь прийти в себя, тут же новый сюрприз!)

– Не понял... – говорю растерянно, – что значит – посмертный гороскоп?!

Следует очередное усталое объяснение, мол, после физической смерти субстанция, что остается жить, получает свою судьбу. Каковую можно угадать так же, как судьбу посюстороннюю. Понятно, что *хуматонам* такого не дано, но люди с большой буквы вполне могут заглянуть в это гипотетическое будущее...

– И где же изволит пребывать твоя драгоценная субстанция? – начинаю язвить. – В раю? В аду? Может, в чистилище?

Вижу кривую усмешку, затем выдают:

– Там ничего этого нет. Вы, глупцы, напридумывали всякой чуши... Лично я буду пребывать на Бетельгейзе.

– Где-где?!

– Это звезда. Одна из самых ярких на нашем небе.

– Ага. Ну, а я где буду?

– На тебя гороскоп еще не составлен. Но я и так знаю: ты будешь в другой части галактики.

– Как это?! Несправедливо! Я все-таки не чужой тебе человек!

– Ты? Ты чужой. Поэтому уходи и не мешай.

И хотя на обиженного богом обижаться не стоит, меня такое ранит. Твою мать! Тот, кто за тобой убирает дерьмо, кормит тебя, оберегает от враждебного мира – чужой! Опять накатывает желание отхлестать будущего жителя Бетельгейзе по щекам, однако я себя сдерживаю. Направим взрыв внутрь, как бывало не раз, благо до выхода на службу еще несколько дней.

Вечером запасаясь бутылками с этикетками «Пряжская». Не пластиковыми (в них разливают минералку с таким названием), а стеклянными, в которых содержится *огненная вода*. Продают это пойло в магазине шаговой доступности, что за углом нашей пятиэтажки, а запас делается, чтобы десять раз не бегать и не светить опухшей рожей перед соседями. Им не объяснишь, мол, предаюсь добровольному сумасшествию, как назвал пьянство один мудрец. Почему предаюсь? Потому что завидую тому, кто живет за стенкой – его свобода-безответственности. Он живет аки птица небесная, не сет, не пашет, а боженька (моими руками) ему все дает! Мне

б так жить!

Поначалу впихиваю в себя водку через силу. Не заработал за жизнь привычки, так что давиться — а пей! Потом, как в известном присловье, рюмки начинают влетать мелкими пташками, и «Пряжская» водка превращается в воду. Вскоре многие вещи теряют значимость, вроде как девальвируются. Нагоняй от главреда, если вовремя не выйду на работу? Мелочь! Мой внешний вид? Пустяк! Живущему за стенкой можно не стричься — не бриться, а я чем хуже?! И счет дням потерять можно, поскольку дни начинают сливаться с ночами, путаться; а главное, можно выкинуть из головы поднадзорного. Поначалу я еще приоткрываю дверь, чтобы понаблюдать за моим «астрологом», затем прекращаю. Пусть улетает в своем больном воображении на границу обозримой Вселенной — ей от того ни тепло, ни холодно.

Когда дожди прекращаются, появляется возможность наблюдать с балкона за бездонным звездным небом. Эти светящиеся шары отделены друг от друга триллионами километров, и если мы в посмертном бытии окажемся на разных концах галактики, то любая встреча исключена. Но ведь она исключена и сейчас, когда нас отделяет друг от друга всего лишь тонкая (да еще звукопроницаемая) стена! За стеной живет космическое одиночество: не пришелец, а, скажем так, *ушелец*. Он ушел, выскочил за пределы человеческого мира, и вернуть его обратно пока не представляется возможным.

Я тоже делаюсь *ушельцем*. Пищу почти не потребляю, разве что занюхиваю, живу исключительно на огненной воде. Жаль, запасы заканчиваются, надо в магазин. Двигаюсь, как сомнамбула, по стеночке, а навстречу рыжеволосая мадам с пуделем на поводке.

– Артем Валерьевич! – восклицают. – Что с вами?!

Инстинктивно оглядываюсь, вроде как желаю разглядеть за спиной Артема Валерьевича. Потом вспоминаю: это я сам. Но не верю, отвечаю грубо: чего, мол, надо?!

– Да ничего не надо! Как не стыдно! В зеркало на себя посмотрите!

«А это идея!» – думаю, возвращаясь с двумя бутылками «Пряжской». Заглатываю половину бутылки, после чего приближаюсь к задрапированному зеркалу. Я положил с прибором на обязанность что-то там расчехлять, но сегодня пришел час, когда надо взглянуть в глаза правде. Или чему-то еще? По мнению Кая, там живет что-то больше и значительнее, чем правда...

Сдернув гардину, таращусь в мерцающую глубину. Свет не включаю, поэтому виден лишь темный силуэт, который вскоре начинает двоиться, и вовсе не из-за воздействия алкоголя. Почему я боюсь и ненавижу тех, кто отражается в поблескивающем стекле? Темные абрисы без глаз, без черт лица – по сути, ничтожные тени, а страсти пробуждают нешуточные! Более того, у меня чувство, будто я сам – тень. И из меня, безвольного и беспомощного, зазеркальные существа

высасывают жизненную субстанцию. Полупрозрачная, едва заметная прана исходит из меня, как некий пар, и перемещается на ту сторону стекла. Я слабею, будто лишился души, они же, напротив, разрастаются, множатся, их уже не два, а пять, десять, и каждый норовит высунуть рожу из зеркала.

– Ты ничтожество! – кричит одна рожа. – Лузер!

– Да он просто отбраковка! – орет другая рожа. – Он сослан сюда, как каторжник в Австралию, его вечная обязанность – присматривать за снежным человеком!

– А после смерти мы сошлем его еще дальше! – вопит третья. – Его место – в медвежьем углу галактики!

Я хочу возразить, мол, кого вы собираетесь ссылать в медвежий угол?! То есть – *что* ссылать?! Душу из меня высосали, вы ее хозяйева, делайте что хотите! Но возражения замерзают на губах. Силы покинули меня, я даже не могу замахнуться зажатой в руке бутылкой и размозжить зеркало, прекратив издевательскую вакханалию. Пользуясь моей беспомощностью, зазеркальные с легкостью перешагивают границу миров и кружатся вокруг меня, крича и хохоча, в дьявольском хороводе...

2. Майя

Рисовать на обоях – это совсем другое, чем на листе бумаги. Или, допустим, на холсте. В художественной школе нас учили рисовать на крупноформатных листах, чьи края всегда внезапно обрывались. Выстроенная в воображении картина оказывалась шире листа, больше листа (и значительно!), но обозначенная граница уничтожала твою фантазию, обрезала ее будто бритвой. И граница холста точно так же отсекала выдуманные образы, что меня всегда бесило. Или не меня? Не могу точно сказать, я ли училась в художественной школе или кто-то другой. Очень может быть, что другой, передавший мне опыт раздражения на преподавателей, норовивших запихнуть выдуманный тобой мир в рамки листа или холста. Потому я раскрашиваю обои, благо на просторах стены любой замысел оказывается реализован.

Сегодня я рисую ледяную принцессу. Она в лилово-голубом платье, с крошечной короной на голове, идет по зимнему лесу. Лес мрачный, голый, а силуэты деревьев черные, извивающиеся, мертвые. Но она идет. Между мертвыми деревьями ползают змеи, бегают странные зубастые существа, и каждый готов проглотить незваную гостью, разодрать на части – и сожрать. А она идет! Ей жутко, страшно, а главное, безумно одиноко: ни одного человеческого существа, одни монстры кругом, и защитить принцессу некому! А главное,

впереди ждет огнедышащий дракон, он расплавит ледяную одиночку горячим выдохом, даже сжигать не потребуется!

Увы, на дракона места не хватает. Принцесса нарисована над диваном, за ее спиной, до самого окна – черные деревья, впереди – монстры. А там, где будет расположен дракон, находится платяной шкаф. Обои еще не кончились, а вот место для изображения – кончилось, отчего на глазах наворачиваются слезы. Мне жалко принцессу, честное слово, но почему-то без дракона никак нельзя, и я, хлюпнув пару раз, начинаю сдвигать шкаф. Наваливаюсь на него грудью, затем упираюсь спиной, чтобы оттолкнуться ногами от дивана. Гад такой, не хочет сдвигаться! Облегчая задачу, выкидываю из шкафа куртки, плащи, ящики с бельем, и после очередного усилия – ура! – он сдвигается!

Отвоевав примерно с полметра стены, перевожу дух и начинаю выбор карандашей. Сам дракон будет зеленый, такой карандаш у меня имеется. А вот огонь из пасти должен быть золотистым. Именно золотистым, что-то среднее между красным и желтым, тут одним карандашом вряд ли обойдешься...

Внезапно начинают стучать в дверь. Громко, настойчиво, и оттуда доносится:

– Ты чего там двигаешь?! И почему опять закрылась?! Немедленно открой!!

Карандаши вываливаются из рук и катятся по паркету. Быстренько собрать, зажать в кулаке и – не отвечать! Это

Магдалена, она все время мешает закончить картину, кричит на меня и грозит отправить в психушку. В прошлый раз я нарисовала на обоях (только на другой стене) большую лиловую крысу, так она, Магдалена, заставила меня взять ластик и стереть мой рисунок. А попробуй-ка сотри цветной карандаш! Если присмотреться к той стене, на обоях обнаружится большой лиловое пятно неправильной формы – все, что осталось от моей крысы...

– Открой, тебе говорят! Я сломаю замок, если будешь заператься!

Нет, не отстанет. Быстренько прячу в недра дивана карандаши (иначе Магдалена их сломает или выбросит) и бреду открывать дверь. Несколько метров преодолеваются медленно, кажется, проходит вечность до момента, пока из-за двери показывается пунцовое лицо. Магдалена буквально врывается в комнату, цокая шпильками (она в туфлях и платье, видно, только что пришла). Встав в центре комнаты, озирает стену.

– Господи, опять! – вскидывает руки. – Сколько можно, Майя?! Я же запретила прикасаться к стенам!

Теперь она будет долго причитать, вспоминая испорченные обои, что уже были однажды переклеены, да, видно, напрасно. Не надо, скажет, никаких обоев, следует просто оставить штукатурку под краску, и если что – перекрашивать будешь ты! Тут Магдалена обязательно ткнет в меня пальцем и повторит: «Ты будешь, ты! Я устала как собака, не могу боль-

ше тащить этот воз, скоро просто скопычусь и загнусь!» Далее последует перечисление ее обязанностей: готовка, стирка, уборка, походы по магазинам, по аптекам; а ты, мол, мало того, что ни черта не делаешь, так еще фокусы выкидываешь, всякую дрянь на стенах изображаешь!

Но вместо этого Магдалена приближается к шкафу и заявляет:

– Так, быстро вернула на место. Слышишь?!

Я молчу.

– У меня сил на это нет, ты понимаешь?! И мазню свою сотри! Мое терпение лопнуло, если не сделаешь – в психушку! Мое терпение лопнуло!

При слове «психушка» накатывает ужас. Я там однажды была, ездила вместе с Магдаленой, кажется, желавшей меня напугать. И ей это удалось. Там было мрачно и жутко, как в том лесу, который я изобразила на обоях. По гулким коридорам, где стены выкрашены отвратительной синей краской, перемещались существа в не менее отвратительной серой униформе. Казалось, это чудовища, желающие сожрать меня с потрохами; и дядечка в белом халате, что беседовал со мной и Магдаленой, несмотря на свой ласковый вид, был чудовищем, даже сам этого не отрицал.

– Вижу, девушке не по себе... – засмеялся под конец встречи. – Смотрит так, будто я ее проглотить собрался!

Я едва не кивнула, мол, да, именно так и думаю! Проглотите и запьете чайком, что у вас на столе в мельхиоровом

подстаканнике! Дядечка порекомендовал нам не торопиться, поскольку серьезного обострения не видит, но напугал всерьез, поэтому я шепчу пересохшими губами:

– Не надо психушки, Магдалена...

На меня устремляют недовольный взгляд.

– Ну вот, опять за свое! Какая Магдалена?! Откуда ты взяла это дурацкое имя?! Меня зовут по-другому, ты прекрасно знаешь!

– Тебя зовут Магдалена... – продолжаю шептать.

– Перестань прикидываться! Надо же: забыла, как родную мать зовут!

Слово «мать» я слышу регулярно, его втемяшивают в мою голову, будто вбивая гвоздь. А гвоздь не лезет! Молоток звякает о шляпку, но мой череп крепок, как скала, он не желает пропускать внутрь чужеродный предмет. Мать?! Я помню маму: ласковую, любящую, заботливую... Помню, как меня водили в детский сад, что на соседней улице, как мы ездили на дачу, расположенную на берегу озера – какого? Забыла. Я мало что помню, если честно, прошлое живет во мне кусками – здесь густо, там пусто. Но маму разве забудешь?! У меня даже фотография в письменном столе спрятана, черно-белая, старенькая, где мама в платье в горошек, с белым зонтиком от солнца. Вокруг цветы, пышная растительность, наверное, это дача на берегу неизвестного озера. Так вот та мама – настоящая, в отличие от нервной истеричной Магдалены, которая кормит меня, убирается, однако отличается от

той, что на фото, как небо от земли.

Молчание истолковывают как упрямство.

– Ты, вижу, совсем с катушек съехала... Понимаешь, что это серьезный симптом?! Если родную мать не узнаешь – знаешь, где твое место?!

Меня опять обдает холодом.

– Я узнаю...

– Кого?!

– Ну, мать. Не надо меня туда... В то место.

Пауза, затем она машет рукой.

– А-а, думай что хочешь! Только комнату в свинарник не превращай! Сотри эту гадость немедленно! И шкаф верни обратно!

Вскоре в моих руках брошенная посреди комнаты тряпка. Я не хочу убивать ледяную принцессу, это вроде как уничтожить саму себя. Но я убью, как в свое время убила лиловую крысу. Главное, остались карандаши – без них просто никуда. Может, в следующий раз отодвинуть шкаф, разрисовать стену за ним, а затем придвинуть обратно? Ура, выход найден! Я поселю мою принцессу за шкафом, куда Магдалена ни за что не догадается сунуть свой нос!

При таком раскладе убийство происходит безболезненно, почти весело. Не грусти, принцесса, твоя смерть – временное явление, ты обязательно оживешь и будешь жить в своем уютном зашкафном мире. То есть ты будешь все время погибать, потому что куда ж я дену дракона? Его тоже придется

упрятать за шкаф, и он будет разевать огнедышащую пасть, чтобы тебя заглотить. Но в каком-то смысле ты будешь жить вечно, пусть в страхе, даже в ужасе, но – вечно...

Закончив работу и передвинув шкаф на прежнее место (еле справилась!), открываю правую створку. После чего долго смотрю в зеркало, что приделано с внутренней стороны. Зеркало большое, ростовое, в нем я помещаюсь полностью, можно рассмотреть и ноги, и руки, и одежду, и физиологию. Мешковатые джинсы скрывают худобу моих ног, но я-то знаю, что эти ножки – что у козы рожки. Руки под растянутым свитером тоже как плети, и слава богу, что на мне одежда, скрывающая уродства фигуры. Магдалена говорит: «Ты выглядишь, как бомжиха», не догадываясь о том, что я специально надеваю свитер-хламиду и просторные штаны, не желая терпеть этот «Освенцим». Кто меня так назвал? Кажется, некий родственник Магдалены, заходивший к нам летом, когда из свитера и джинсов из-за жары пришлось вылезти. Родственник вытаращился на меня как баран на новые ворота и произнес то самое слово. Я не сразу поняла, потребовались разъяснения, приведшие меня в полное отчаяние. Я – Освенцим, бомжиха, и это касается лишь тела, лицо в расчет не берем. Лицо! Вообще-то трудно назвать лицом бесформенный блин, который отражается в зеркале. Рожа, где все несообразно: нос вздернут, губы тонкие, брови слишком густые, нижняя челюсть массивная...

Проходит минута, другая, я не двигаюсь (пока!), но знаю,

что последует. Преодолев привычную анемию, я начну лихорадочно исправлять огрехи природы. Возьму щипцы, выкраденные из косметички Магдалены, стану выщипывать брови, после чего позаимствованной там же помадой прорисую губы, как у заразы Анджелины Джоли. Да, заразы! Потому что одной все, а другим – шиш с маслом! Сучка голливудская, ей ничего не надо с собой делать: и губы правильные, и брови, и челюсть человеческая, а не лошадиная, и глаза не щелочки, а будто два фонаря. Я тоже хочу глаза-фонари! Поэтому буду долго и тщательно работать с тушью, с тенями, не забывая поглядывать на дверь. Магдалена запретила запираяться, но лучше все-таки повернуть ключ на один оборот, чтобы себя обезопасить. Если начнет ломиться – вот этой же тряпкой, которой убивала принцессу, сотру макияж, и дело с концом!

Когда спустя полчаса смотрю на результат, опять накатывает отчаяние. Не то! Я гримасничаю, желая хотя бы так приблизиться к совершенству, однако получается еще хуже. Выход один: пластическая операция, нет, несколько операций! Одной не обойдешься, ситуация запущена, да и про грудь я забыла. Грудь – вот флаг Анджелины, вот к чему надо стремиться; а пока у тебя не флаг, а жалкий *флажок* первого размера – ты никто, и звать тебя никак. Вот пройду все это, и Джоли утрется, потому что я сделаюсь ледяной принцессой, что гораздо круче. Принцесса – идеал, звезда Голливуда рядом не стоит!

Но это в будущем, а сейчас? По идее, следует захлопнуть

створку и никогда ее не открывать. Но я стою как замороженная и всматриваюсь в то, что по ту сторону зеркального стекла. Я это или не совсем я? А может, совсем не я? Странное лицо, напоминает маску. В каком-то музее я видела маски, по-моему, африканских племен, а может, индейских – так вот передо мной что-то похожее. Мое настоящее «я» скрыто за маской, поэтому к себе всамделишной не пробиться, я обречена видеть *рожу*. Или пробиться можно? О, идея! Я должна содрать с себя индейскую маску, а там, глядишь, обнаружится такое, что и принцесса утрется. Вцепляясь в щеки, в кожу на лбу, оттягивая нос, я пытаюсь отлепить от черепа обманый лик. Тщетно! Похоже, стадия настолько безнадежна, что маска буквально приросла к лицу, прилипла намертво!

Моя мечта – преодолеть границу между тем и этим мирами, перешагнуть ее, став хозяйкой положения. Что и случается то ли во сне, то ли в утренней полудреме, когда действие препаратов (я же принимаю препараты) после долгого сна ослабевает. В том мире все примерно так, как в этом, и одновременно не так. Пролетая сквозь зеркальное стекло, я обретаю силу, свободу, невероятные возможности, когда какой-нибудь шкаф передвигается не длительными усилиями, а одним мизинцем. Но я не собираюсь двигать шкафы, у меня совсем другие задачи.

– Может, порисуем? – предлагает отражение. – В этом мире нет Магдалены, нам никто не помешает!

– Знаю, что нет, – говорю, – кто же эту дуру сюда возьмет?!

Но рисовать не хочу.

– А что хочешь?

– Подправить кое-что. Можно?

– Нет проблем, – отвечают, – ты тут главная!

И я начинаю лепить из отражения воображаемый идеал. Лицо и тело моего второго «я» будто сделаны из пластилина – лепи как бог на душу положит. Я и стараюсь, словно какой-нибудь Фидий, о ком рассказывали в художественной школе. Или Пигмалион, о нем тоже рассказывали; только не помню, что именно они лепили? А-а, неважно, моя цель – вылепить неземную красавицу, и я стараюсь на совесть. Дело в том, что по ходу лепки я тоже меняюсь, мы же связаны с отражением, типа одно целое. Каждое мое движение, каждое вмешательство в ее внешность – меняет и меня, так что спустя время мы обе становимся неземными красавицами. Ау, Джоли! Ау, принцесса! Где вы там?! Это вас звать никак, а мы отправляемся в полет, нам здесь тесно!

Одна из особенностей зазеркального мира – возможность летать. Я беру за руку свое отражение, мы взлетаем и кружим по комнате, вроде как тренируемся. Комната явно мала для нас; а тогда через форточку – и наружу, парить над городом, который не люблю. То есть не люблю реальный город – мокрый, тоскливый, с серым, низко висящим небом, куда Магдалена то и дело норовит вытолкнуть, приговаривая:

– Хоть бы погуляла сходила! Там красиво! В центре Пе-

тербурга живешь, а на улицу неделями не выходишь!

А чего туда выходить? Вечный дождь, хмарь, лужи под ногами, идущие под зонтами люди... То ли дело город из зазеркалья, напоенный цветом, залитый солнечным светом, над которым можно кружить, как две чайки. Мы и кружим, пронзительно крича от восторга. Два совершенства парят над совершенством, только архитектурным. Город настолько хорош, что я даже не уверена: Петербург ли это? Казалось бы, ориентиры знакомы: шпиль Петропавловки, купол Исаакия, кораблик на Адмиралтействе, но все какое-то другое, более грандиозное, более сияющее... Город скользит под нами, пытаюсь задеть нас своими шпильями, корабликами и прочими ангелами, но мы летаем выше ангелов, выше любых шпилей. Вот так должен быть устроен мир, идеально, по моему хотению! Но полудрема заканчивается, приходится возвращаться обратно. Неодолимая сила, подобная гигантскому магниту, вытаскивает из зазеркалья, ей дела нет до того, что я цепляюсь за каждый угол, за любую щель в полу, за выбоину в стене... Побаловалась? Изволь вернуться в свой ад!

Итог – стою в мятой ночнушке перед зеркалом и в бессилии царапаю поверхность. Не в силах соединиться с отражением, начинаю ненавидеть его, а может, ненавидеть себя; и этот страшный мир тоже ненавижу и проклинаю, желая выскочить из него, словно змея из старой шкуры. Хрен, не выскочишь! Я рыскаю глазами по комнате, ища какой-нибудь тяжелый предмет. Разбить зеркало к чертовой матери! Уни-

чтожить его, чтобы не соблазняло, не рассказывало сказки, которые никогда не станут явью!

Бросившись к подоконнику, хватаю керамический цветочный горшок. Но, когда до звона стекла остается секунда, осознаю: Магдалена не простит! Я окажусь там, где монстры в серой униформе сжирают таких идиотов, как я! Невероятным усилием воли возвращаю горшок на место: вроде как беру себя за шиворот и тащу свое тело к подоконнику, где колосится рассаженная Магдаленой зелень. Поставить горшок на место, аккуратно поправить лепестки, после чего подкрепить поступок глотанием препарата. Вот он, спасительный блистер, валяется возле кровати. Выдавить таблетку на ладонь, сунуть в рот и рассосать. Этот препарат, подчеркивает Магдалена, надо именно рассасывать, проглотить – совсем другой эффект. А когда таблетка тает за щекой, эффект правильный, идиотические порывы, во всяком случае, гасятся на раз.

Препараты доставляются Магдаленой, которая бежит по врачам, иногда прихватывая меня с собой, как к тому дядечке из психушки. Это называется лечиться амбулаторно, причем за деньги. Обычно меня выгоняют из кабинета, Магдалена рассчитывается без свидетелей, хотя, бывает, при мне сует в карман халата тысячную либо кладет на край стола, после чего купюра мгновенно перемещается в ящик. Магдалена всякий раз обзывает врачей хапугами, что наживают на чужом горе, как правило, в такси, когда катим домой.

То с *Пряжки* катим, то из *Бехтеревки*, то из *Скворечника*, и всю дорогу слышится приглушенное «бу-бу-бу» насчет бессердечных врачей. Когда покидаем машину, претензии обращают ко мне:

– Думаешь, твоя мать миллионерша?! А? Я тебя спрашиваю!

Я пожимаю плечами: не хочется спорить насчет какой-то матери, которая не умеет печатать деньги, а также их воровать. Не умеет – и не надо!

– Нет, ты так думаешь! Так вот я тебя разочарую! Таблетки ого-го сколько стоят! И консультации не бесплатные!

Вообще-то мне плевать на цену таблеток, главное – их наличие. Без них жизнь прикольнее, можно летать в зазеркалье, можно воображать принцесс, да все можно! Но приходит момент, когда чувствую край, обрыв, и, если сорвешься – будешь долго лететь в пропасть, и никакое отражение тебе не поможет. Шмякнешься так, что мозги брызнут, кости переломаются в мелкое крошево, а такого, понятно, не хочется. Сорвалась? Тогда срочно выдави в ладонь и проглоти таблетку, чтобы натянуть на мозг колпак. Представляю это так: вот ты идешь с непокрытой головой, навстречу холодный пронизывающий ветер, сверху дождь со снегом, и, если не надеть вязаный колпак, стопроцентно подхватишь пневмонию. Вот и здесь что-то похожее, только лекарственный колпак закрывает мозг, а может, душу, которая ноет и болит почти физически.

Жаль, что совсем без боли – тоже плохо. Бывает, слишком много таблеток выдавливаешь из блистера и, не удержавшись от соблазна, запихиваешь в рот. Действие атомное – очень быстро образуется тот самый колпак, который из шерстяного становится железобетонным. А носить на башке бетон, сами понимаете, еще то удовольствие. Тебя нагибает к земле, гнетет, давит, и ты превращаешься в раздавленного муравья. Мокрое пятно от тебя остается, Майя, иллюзия вместо человека. Так что поневоле вспоминается где-то читанное, мол, *майя* – это иллюзорный окружающий мир, какового на самом деле не существует. И тебя, моя хорошая, не существует, ты умерла, растворилась в пространстве, сделалась химерой!

Страшно быть похороненной при жизни. Лежать под бетонным саркофагом, в который преобразился колпак, и чувствовать себя абсолютно всеми покинутой – страшно. Я призрак, меня нет, и воскреснуть не получится...

* * *

Когда-то к нам ходили гости. Приглашенные Магдаленой, они пялились на меня, всматривались в лицо, после чего интересовались: чем живешь, Майя? И почему рисовать бросила? А я не бросила, просто мою фантазию начали убивать границы листа (холста), и я уже планировала настенную живопись. Но разве такое объяснишь? Ответом была кривая

усмешка, после чего я норовила ускользнуть в свою комнату. А гости не отставали, привязчивые, как липучки, продолжали выспрашивать и что-то предлагать. Гостья тетя Шура, например, предлагала минеральные ванны, ну очень помогают восстановлению, просто чудеса делают! Однако Магдалена махала руками: какие ванны?! Это же в Осетию нужно ехать, к черту на кулички! Дядя Вася ехать никуда не предлагал, его метод заключался в употреблении меда, полученного на пасеке друга. Тут всех дел – до Всеволожска добраться, а там просто райские места! Буквально на аркане туда тащили, расписывая, какой полезный липовый мед, какой ароматный цветочный, и, если бы не спасительная аллергия, меня бы точно поселили на пасеке. В качестве аргумента дядя Вася притаскивал банки с медом разного цвета, меня им пичкали, только реакция была однозначная: пунцовые щеки и заплавленные глаза.

– Эх, не в коня корм! – сокрушался дядя Вася, чью степень родства я никак не могла осознать. И родство тети Шуры было крайне туманным, знала только, что они чьи-то родственники. Возможно, мои, правда, никаких теплых чувств они не вызывали. А один из гостей-тире-родственников вызвал просто ужас, благо еще Магдалена подыграла, сволочь такая.

Звали его Степаныч, и был на нем мундир, а может, китель. Военная форма, короче, на которой болтались то ли ордена, то ли медали, предмет страшной гордости Степаныча.

– Я был в составе контингента! – поднимал он палец. – Но больше ничего сказать не могу!

– Почему не можешь? – вопрошала Магдалена. – Расскажи, Степаныч!

– Не могу, Катюша! – разводил тот руками. – Секретность соблюдаю, в свое время подписку дал!

Насчет секретности ничего не скажу, может, цену себе набивал, но одно то, что Магдалену называют какой-то Катюшей, вызвало подозрение. Далее Степаныч начал нарезать круги, будто спутник вокруг планеты, роль которой играла я, сидящая на стуле посреди комнаты. Один круг, второй, третий, причем взгляд такой с прищуром, как у охотника, глядящего сквозь прорезь прицела.

– Думаю, ты ее просто распустила, – сказал, встав напротив, – слышишь, Катюша? Она же у тебя не работает?

– Не работает, – кивнула Катюша-Магдалена.

– И не учится?

– Бросила учебу, давно уже...

– Вот! В этом корень всех бед! В безделье! Давай-ка, Майка, бери себя в руки!

– Как это?! – не поняла я.

– Самым обычным образом. Проснулась, зарядочку сделала. Завтрак приготовила на всех членов семьи. Пыль протерла, пол вымыла, ну и на работу пошла!

– Так это же на весь день! – сказала я. – Завтрак, пыль, полы... Какая может быть работа?!

– Вот! – опять поднял он палец. – Не хочет трудиться! Знаешь, Катюша, отдай-ка ее мне на месячишко! На трудовое, так сказать, перевоспитание!

– Думаешь, справишься? – занервничала Катюша-Магдалена. – Она вон чего вытворяет: меня называет другим именем, и вообще...

– Эту блажь мы из головы выбьем! – Степаныч рубанул воздух ладонью. – Через месяц не узнаешь дочку! Так что давай собирай ее вещички!

Я чуть со стула не грохнулась, так меня затрясло. Степаныч жил в каком-то Мухосранске, куда за миллион рублей не поедешь, а тут – здрасьте, поезжай ишачить на этого козла с медалями! Почему-то представилось, что Степаныч – это что-то вроде Синей Бороды, что забирает девушек, доводит до изнеможения непосильной работой, а затем, естественно, умерщвляет и выпивает всю кровь. Вот только транслировать эти фантазии я не могла – подчинилась, сделалась кроликом, которого внаглую глотает удав.

Катюша-Магдалена, надо признать, не сразу согласилась. Однако Степаныч давил, поминал какого-то Макаренко, а еще армейскую поговорку, дескать, не можешь – научим, не хочешь – заставим. С ними (в этом месте он указывал в мою сторону) только так и нужно поступать! Думаешь, одна твоя Майка такая?! Да вся молодежь сейчас – лодыри и бездельники! Сидят по домам, в потолок плюют, а ведь на них пахать надо! Под эти доводы собиралась моя сумка, туда укладыва-

лись белье, спортивный костюм, прокладки, зубная щетка и проч. А я словно испарялась, истончалась, короче, исчезала из жизни, в которой мне выпала участь рабыни.

Но истончиться до невидимого облачка не получилось: меня таки впихнули в такси, куда впихнулись также Степаныч и Магдалена. Та почему-то нервничала и то и дело давала ценные указания:

– Учти, Степаныч, у нее аппетит плохой! Ее буквально силой надо заставлять кушать!

– Ничего, поработает – появится аппетит! Как там говорят? Кто не работает, тот не ест! А кто работает – у того аж за ушами трещит!

А я усиленно всматривалась в зеркало заднего вида. Крошечное, не то что на створке шкафа, но другого под рукой не было, и я, ловя свое отражение, молила зеркало спасти, втащить в себя, как в моих полуснах, короче, помочь ускользнуть от рабской участи. Так вот фиг там! Наверное, только мое зеркало позволяет выскочить за пределы дурацкого мира, в котором рулят Степанычи. Аппетит у меня плохой, думала я, но кружки три крови в худосочном теле наберется, и старый козел в кителе непременно ее выпьет!

Выбираемся из машины, идем к вокзалу, входим в вагон. За окном Магдалена, сволочь, платочек к глазам прикладывает: страдает, блин! А я разве не страдаю?! В плацкарте, где мы расположились, народ уже курочек распаковывает, яйцами об столешницу постукивает, а меня буквально тошнит от

запахов еды. Тошнит и от Степаныча, что машет рукой законной сволочи:

– Давай уже, иди! Нечего мокроту разводить, все будет хорошо!

Он расстегивает китель, позвякивая наградами, и тучный пассажир с куриной ножкой в руках задает вопрос:

– Боевые?

– Получены во время пребывания в составе контингента.

– Какого контингента, если не секрет?

– Секрет. Но за здорово живешь такого не дают, согласитесь.

А меня будто током ударило, типа озарение нашло. Состав тронулся, Магдалена исчезла из оконного проема, и тут я начала. Одну награду сорвать! Другую, да чтоб с мясом, с нитками и кусками материи! Потом на пол их кинуть, потом еще сорвать, пока все побрякушки не окажутся под ногами!

Степаныч обалдел, первые секунды даже не сопротивлялся. А потом кровью налил да как заорет:

– Что ж ты, сучка, творишь?! Мне ж их сам министр обороны вручал! На святое, зараза сумасшедшая, руку подняла!

Он звучно хлестанул меня по щеке, прозвучала матерная брань, и вдруг Степаныч кинулся куда-то вон из купе (надо сказать, обалдевшего – тучный так и застыл с открытым ртом, в котором белела непрожеванная курочка). Раздалось шипение, движение пейзажа за окном остановилось, и я поняла: сработало! Не бывать мне пленницей Мухосранска, не

пить Степанычу моей кровушки! Между тем тот вернулся, схватил меня за руку, другой рукой мою сумку подхватил и потащил в тамбур. Там уже проводница мечется, вопит, мол, какой идиот стоп-кран сорвал?! А меня выкидывают на перрон, следом летит сумка. Запомнилось, как мимо проплывали окна, в которых белели пятна-лица, а еще Магдалена в цветастом сарафане, несущаяся по перрону...

Она потом рыдала, всю меня крокодиловыми слезами измочила. Мы вернулись домой, замазывая свою вину, Магдалена купила торт, да такой огромный, что еще на завтра хватило. Я доедала остатки, когда раздался телефонный звонок, и Магдалена, помнится, произнесла:

– А может, ты их на барахолке купил! Не купил?! Все равно пошел к черту! Ноги твоей чтобы больше у нас не было!

Это был ее ответ Степанычу, который и впрямь исчез навсегда. И остальные исчезли, перестали посещать дом, отчего Магдалена страдала, а я наоборот. Все эти обсуждения, ахи-охи, сочувственные или подозрительные взгляды, советы на ухо, звонки, когда по часу и более перетирают мою жизнь, – надоели до смерти. Здорово, что никто вокруг тебя не мельтешит, не разглядывает тебя под лупой и не мешает летать в зазеркалье. Игра воображения (здорового или нет – не суть важно) была интереснее, она захватывала и увлекала, расцвечивая мир тысячей красок, в то время как реальность день ото дня становилась все более серой, невзрачной. И звуки в воображаемом мире были иные, иногда раз-

давались какие-то голоса, они что-то спрашивали либо приказывали, и слушать их было ну очень интересно. Впервые я услышала голос именно в вагоне, то самое озарение имело форму приказа:

– Сорви с него награды!

Я подчинилась (еще бы!), но что именно подтолкнуло – осознала позже. Это был вроде как мужской голос, с хрипотцой, явно не чувак говорил, а солидный мужчина. Я потом долго ждала, что голос прозвучит еще, но тот почему-то замолк. И другие голоса замолкли, наверное, из-за препаратов – в ту пору начались блуждания по врачам-хапугам, выписывание рецептов и таблетки, которые требовалось глотать. Поначалу я глотала, желая обрести вожака, затем взялась халтурить: спрячу препарат под язык, а только Магдалена за порог – выплюну. Как иначе, если ночью слюна из рта, так что вся подушка поутру мокрая, или судороги в руках и ногах?! Колбасило меня со страшной силой, и плевать, что это обычная *побочка* – еще одно усвоенное понятие. Тут ведь и хочется, и колется: налево пойдешь – мозг расплавится, направо двинешь – такая колбаса начнется...

А если пойдешь прямо, обнаружишь Магдалену с ее методами. Не доверяя в полной мере хапугам, что за деньги выписывают отраву, та пыталась меня расшевелить, растормошить, словом, вернуть в сознание. Психотерапия типа, кому еще ею заниматься, как не близкому человеку? Близкому, хочу заметить – в ее представлении, лично я так не считала.

Но Магдалена считала, поэтому время от времени доставала с полки фотоальбомы, усаживала меня на диван и начинала рыться в прошлом. Ну прямо шахтер, вгрызалась в недра прошедшего на километр, жаль, толку от всего этого было немного.

– Помнишь Марью Ефимовну? Свою первую учительницу?

– Ну да.

– Хорошая была женщина, тебя очень хвалила. Ты же лучше всех училась в начальной школе!

– Серьезно?! – поднимала я брови. Начальная школа, как и средняя, а также художественная, сливались в памяти в единое круговращение лиц, голосов, событий – попробуй отдели одно от другого!

– Лучше всех! Три грамоты получила, за каждый класс по грамоте!

Доказательства ради Магдалена лезла на полку, чтобы извлечь оттуда листки плотной бумаги с золочеными вензелями, где крупными буквами было выведено: ГОЛУБЕВА МАЙЯ. Показывала дневники Майи с преобладанием четверок и пятерок, напоминала фамилии педагогов и соучеников, указывая их на коллективных фотографиях, опять же извлеченных с полки. Даже видео демонстрировала, снятое на одном из школьных праздников, где я играла роль Бабы Яги.

– Посмотри, какая ты тут смешная! По-моему, это третий

класс... Или второй? А-а, неважно! А вот Петя Башкирцев, он Кашея играет! Помнишь его? Ну, конечно, помнишь!

Я кивала, хотя Петь, Вань, Наташ и прочих Лен практически не помнила. То есть они как будто существовали, что доказывали фото, видео и наличие фамилий, но где-то в параллельном мире. Или в кино, которое я когда-то посмотрела и теперь имею полное право забыть. Кино – это кино, к моей жизни оно отношения не имеет. И вообще: зачем помнить Петю-Кашея, если саму себя вспомнить не можешь?! Вот на экране скачет какая-то дурочка с метлой в руке, пытается в ступу забраться, но сказать, что это я, Майя, язык не поворачивается. Иногда представляется, что Магдалена меня обманывает, вводит в заблуждение, подсовывая чужую жизнь вместо моей, где все было иначе.

Как именно? А вот так: делаю, допустим, серию карандашных портретов по заданию учительницы рисования. Ей нравится, и она говорит: а попробуй, Майя, изобразить одноклассников, у тебя получится! Воодушевленная, берусь за дело, тем более никто не возражает, наоборот, в очередь выстраиваются. Меня анфас! Меня в профиль! Спустя неделю портреты вывешиваются на классной доске, большинство в восторге, учительница (забыла имя-фамилию) роняет слезы умиления, но кто-то, как выясняется, вырастил на художницу зуб. Этот кто-то имеет обличье длинноногой девчонки с белыми волосами, что вглядывается в рисунки и многозначительно усмехается. А потом каждому, кто позировал,

что-то шепчет на ухо. Художница пока в эйфории, но вокруг уже творится что-то неладное. Поначалу каждый норovil забрать свой портрет, да еще с подписью художницы, а тут вдруг возвращать начали листки!

– Тебе не нравится?! – в недоумении вопрошала я.

– А что тут может понравиться?! Я вообще на себя не похож!

– Но это же портрет, он...

– Да ладно! Нарисовала карикатуру, и довольна!

Практически все портреты возвращают, но на этом дело не заканчивается. После урока литературы, отпустив преподавателя, одноклассники запирают аудиторию с помощью стула. И, встав напротив художницы плотной толпой, наперебой бросают обвинения. Мол, она нарочно все это придумала, чтобы поиздеваться над ними! Специально карикатуры рисовала, потому что ненавидит всех! А если так – и мы тебя ненавидим! Более всех старается длинноногая блондинка, дирижируя судилищем, и в конце заявляет:

– Тебя нужно заставить съесть свои карикатуры! Но мы добрые – мы просто объявляем тебе бойкот!

Далее неделю со мной не разговаривают. Никто за мою парту не садится, все делают вид, что меня нет. Но хуже всего другое: я сама соглашаюсь с мыслью, что меня нет. Что я злобная тварь (так меня обзывали), что я дрянь, что не люблю людей, ну и так далее. Не может быть, чтобы я одна была права, а дружная компания – неправа, конечно, их мнение

верно! И то, что Магдалена возражает, роли не играет.

— Господи, ну что ты вспоминаешь?! Это же Элька Романец-кая все организовала! С детства была стервой, все время себя вперед выставляла! А тебе завидовала!

Но я не верю Магдалене. Невозможно завидовать вздернутому носу, тонким губам, массивной челюсти и фигуре типа «Освенцим». И, хотя я перешла на домашнее обучение (о, счастье!), а всю душу отдавала художественной школе на Каменном острове, счастья не обрела. Замечательная дача Шишмарева, дом с колоннами, утопающий в зелени, чудные и чуткие педагоги, обучающие основам графики и живописи, а душевного покоя нет как нет! В те дни казалось, будто в ясный солнечный день откуда-то наползает туманная дымка. Солнце постепенно заслоняет пелена тумана, она сгущается, и вот, когда светило полностью скрывается, веет холодом. Птицы перестают петь, все окутывает мгла, в которой не видно ни зги, и тебя охватывает жуткий страх. Ты не можешь понять, что произошло, как долго это продлится, но осознаешь: ты осталась совершенно одна, заблудилась в знакомом (вроде бы) городе и уже никогда не найдешь дороги домой!

Вот этот страх не найти обратной дороги запомнился более всего. И идти-то надо не сворачивая: мост, Каменноостровский проспект, потом еще мост, Марсово поле, а там и до дома рукой подать. Только мне этот прямой, как стрела, путь казался замысловатым и извилистым, будто попала в лабиринт Минотавра, о котором рассказывали в художественной

школе. Но если для моих однокашников Минотавр был персонажем мифа, то для меня он обретал абсолютно реальные черты. Идешь через площадь Толстого, а в душе трясучка: ты абсолютно уверена, что из ближайшей подворотни сейчас выскочит гад с головой быка, сцапает тебя и утащит в неизвестном направлении! Слава богу, Толстой за спиной, опасность вроде миновала, но на Австрийской площади накатывает тот же ужас!

Сюр в башке, конечно, отразился в моих рисунках. Рисуем натюрморт, на столе ваза с пышными розовыми астрами, и у всех на холсте вариации розового, как иначе? Только у меня астры имеют фиолетовый цвет, точнее, темно-фиолетовый. Педагог озадачен, но качество рисунка все-таки хвалит, мол, художник волен в выборе цвета. Но в том-то и закавыка, что не я выбирала – цвет выбирал меня! Мрачные, темные тона сами собой возникали под моей кистью, рука автоматически находила их в разноцветной (выбирай не хочу!) палитре.

Свободные живописные фантазии еще больше пугали педагогов. Одна из преподавательниц, что прочила мне скорое поступление в Штиглица либо в Репинку, глядя на очередное мое творение, покачала головой:

– Что-то за гранью... Майя! Ты не Гойя! Если плохо спала, не надо ночные кошмары в рисунке выплескивать!

Она подтрунивала, поругивала, направляла куда надо, но тщетно. Некая незримая сила тащила меня за шиворот туда,

где рекомендации и благие пожелания теряют силу. Когда я заявила, что края листа ограничивают мое воображение, и потребовала слева и справа подклеить еще листы, преподаватели уже серьезно всполошились. Вызвали Магдалену, та меня забрала и долго отчитывала по дороге, мол, хватит дурыню маяться, тебе поступать через год, а ты педагогов против себя настраиваешь! Как ей расскажешь про пелену тумана ярким днем? Про Минотавра из подворотни? Про незримую силу, заставляющую выбирать мрачные цвета? Никак, это – мое, другие такого не поймут...

Отдельные фото в альбомах были обрезаны: когда аккуратно, когда грубо, то есть просто оторваны. Вот стоим на фото мы с Магдаленой, и справа должен находиться некто, я даже вижу его ладонь в моей ладони. Но ладонь есть, а чело-века нет! Так что рано или поздно задаю вопрос, от которого Магдалену буквально корежит.

– Не спрашивай о нем! – говорит резко. – Он нас предал!

– Ты имеешь в виду...

– Твоего отца! Этого негодяя, этого мерзавца, подонка...

Я сжимаюсь, уже жалея, что задала вопрос. У меня должен был быть отец, как иначе? Точнее, я предпочла бы обойтись без него, благо память о нем основательно вычищена, в доме не осталось ни одной вещи вроде бритвенного станка. Или мужских ботинок; или удочек, кажется, стоявших в кладовке. Такой обычай исповедовали древние египтяне: имена некоторых фараонов, провинившихся перед знатью и

богами, вымарывали из папирусов, сбивали со стен храмов, наказывая их полным забвением. Или то были не египтяне, а шумеры? В художественной школе мы изучали искусство Древнего мира: фрески, скульптуры, мифы, обычаи, только знания забылись, почти умерли в моем мозгу...

Короче, все исчезает, остается только бессильная ярость Магдалены. Ни одного хорошего слова не прозвучит, ведь негодяй оказался еще и трусом! Он просто испугался, когда меня начали водить к психиатрам, в штаны напрудил! Еще и болезни-то не было, а мерзавец уже начал из дому исчезать, заранее строил планы, как *лечь на крыло* (до сих пор не понимаю смысла выражения). Какую-то тварь на стороне завел, деньги начал утаивать, а главное, во всем обвинял ее, Магдалену! Мол, надо было проверяться во время беременности, возможно, аборт сделать, а не рожать кого зря!

– Ты понимаешь, что он заявлял?! – трясут меня, взяв за грудки. – Сукин сын! Пьянствовать нужно было меньше, когда ребенка думал зачать!

А я сжимаюсь еще больше, представляя неосуществленный аборт. Я еще никто, ноль без палки, сгусток плоти, который безжалостные врачи выковыривают из чрева... Стоп – из чьего чрева?! Вот вопрос! Если поверю Магдалене, придется признать ее матерью; и отца придется признать, а этого совсем не хочется. Хочется быть подкидышем, чьи настоящие родители когда-нибудь найдутся, и жизнь волшебным образом изменится.

Сбросив наболевшее, Магдалена лезет в аптечку и тоже принимает препарат. Не такой атомный, как у меня, для снятия стресса (так она утверждает). Но расслабляет он тоже конкретно, до слез, которые текут неостановимо, водопадом. Расслабившись, забыв про злость, про обиды, Магдалена бросается меня обнимать, прижимать к себе, и ее слезы каплют на мою футболку, оставляя на ней мокрые пятна.

В такие моменты во мне что-то сдвигается, вроде как пелена спадает с глаз, сердце частит, и, кажется, тоже вот-вот хлынут слезы. Становится предельно ясно: не такая уж я бездушная дебилка, помню и Марию Ефимовну, и подружек, и родственников, а главное, прекрасно понимаю: передо мной никакая не Магдалена, а мама, или, как я ее в детстве называла, мама Катя. Я даже того человека, чьи фотографии отрезаны, помню и вполне готова вклеить его изображения обратно в альбомы. Но что-то меня не пускает назад: тот мир, где все устаканено, разложено по полочкам и ясно как божий день, – меня отверг. Растоптал меня, изbleвал из себя, как я могу в него вернуться?! Нет, не вернусь ни за что, буду жить в своем мире, и не фиг тут сопли распускать и говорить, что белое – это белое. Никакое не белое, а серо-буро-малиновое! Почему? Потому что так хочет «майя», которой нет, которая растворилась в небытии.

Еще один метод возвращения из небытия – подталкивание к бывшим знакомым. Я вначале не догадывалась, откуда появлялись голоса в телефонной трубке или кто-то возникал на пороге, предлагая погулять. Со мной и раньше нечасто гуляли; и звонили редко, а тут – здрасьте, не изволите составить компанию? В Петропавловке гуляния, почему бы не сходить туда вместе? Лишь потом стало ясно: это Магдалена выискивала тех, кто относился ко мне более-менее – в основном девчонок из художественной школы. Из общеобразовательной не звала: я ведь не забыла ни бойкот, ни жвачки в волосах, из-за чего приходилось целые пряди отстригать, ни кнопки на сиденьях, больно впивавшиеся в тощие ягодички. При воспоминании о школе меня буквально трести начинало, а тут вроде эстетически продвинутые девушки, воспитанные, ну и отзывчивые, само собой.

Вот только отзывчивость их куда-то улетучивалась, когда приближались на короткую дистанцию. Помнится, в той самой Петропавловке идем по центральной аллее с Дашкой, одетой в платье цвета морской волны. Я же в любимых мешковатых джинсах и в свободной розовой кофте, скрывающей неудобу. Так вот приближаемся к шемякинскому памятнику, и Дашка говорит:

– Какой уродливый Петр! Мне лично памятник, сделан-

ный Фальконе, больше нравится!

И хотя Медный всадник мне тоже больше по душе, соглашаться не спешу. Что-то родное видится в огромном туловище с присобаченной сверху крошечной головой. Царь какой-то нелепый, составленный наспех, абсурдный – ну чисто я сама! А своих сдавать негоже, и я на голубом глазу заявляю: этот Петр самый что ни на есть настоящий! Сумасшедший царь, построивший город для сумасшедших! Дашка пускается в спор, мол, Северная Венеция, красивейший город мира и прочая фигня, внушенная педагогами на даче Шишмарева. Но я стою на своем, благо на память пришли и Евгений, и Германн из «Пиковой дамы».

– Разве не поехала крыша у Евгения? Поехала! И у Германна поехала, потому что – такое место!

– Но это же литературные герои! – не сдается Дашка. – А в жизни по-другому!

– Ха-ха, по-другому! А помнишь, нам про Ксению Петербургскую рассказывали? Даже на кладбище Смоленское возили, в ее часовню? Она же псих натуральный! Себя мужчиной считала и называлась мужским именем!

Почему мне хочется об этом говорить? Не знаю, но хочется. Память моя прихотлива, в ней всплывает фамилия Поприщин, а вот кто он такой – не всплывает. Я пристаю к Дашке, чтобы вспомнила, но та отмахивается:

– Хватит об этом! Идем, сейчас на площади карильон будет играть!

Со звонницы собора уже доносится мелодичный перезвон колоколов. Карильон, объясняет по ходу Дашка, это специальный инструмент как раз для игры на колоколах. На этом инструменте какой-то голландец знаменитый будет свои произведения исполнять!

И вот наполненная народом площадь, сверху льются божественные звуки, и лица окружающих исполняются мечтательным светом. Только мое лицо светом не исполняется. Меня буквально перекручивает от страха, ведь в синем безоблачном небе вот-вот покажется дракон, какого я рисовала на стене. Он будет кружить вокруг шпиля собора, приближаясь к вознесенному на огромную высоту ангелу. А потом проглотит его! Потяжелев, дракон начнет спускаться все ниже, к людям, что застыли с открытыми ртами, как крысы, услышавшие дудочку Крысолова. Эй, олухи! Вы сейчас последуете за символом города, которого съели и не поперхнулись! Но олухи и ухом не ведут. Да и как вести ухом, если мой предостерегающий крик застрял в горле?! Голосовые связки будто перехватил спазм, я в лучшем случае смогу что-нибудь просипеть, но не крикнуть...

«Что же делать?!» – бьется лихорадочная мысль, и вдруг получаю ответ: «Танцуй!» Совет дает тот самый хрипловатый голос, что в свое время спас от Степаныча. Я какое-то время сомневаюсь, все-таки не танцплощадка, а концертный зал под открытым небом. Но голос повторяет: «Танцуй!» – и, хочешь не хочешь, а подчиняешься. Выхожу из толпы слу-

шателей, задравших головы вверх, хотя вверху, замечу, никого не видно – голландец где-то внутри устроился. И – в пляс! Танцовщица из меня еще та, но что-то подсказывает па, какие требуется проделать. Влево, вправо, два притопа, три прихлопа, затем оборот кругом. Пляши, Майя, пляши! Помнишь такой мультфильм – «Пчелка Майя»? Так вот ты – тоже пчела, каковая умеет в танце передать своим соплеменницам нужную информацию. И ты, если не можешь кричать, передай этим праздным зевакам информацию о нависшей над ними угрозе. Вот он, гад, уже буквально над головами кружит! Но вместо того, чтобы устроить людоедский пир, дракон внезапно скрывается в строении, где спрятан ботик Петра. Я в изнеможении останавливаюсь: слава богу, пусть подавится, бездушной лодки не жалко...

Лишь спустя минуту замечаю удивленные глаза, что скрестились на моей неказистой фигуре. Вместо того, чтобы поблагодарить (это ведь я отогнала летучего каннибала!), они пялятся на меня, как туристы на памятник! А более всех Дашка таращит глаза, того и гляди они из орбит выскочат! Пауза, затем Дашка подбегает и, схватив за руку, тащит меня за Монетный двор, к другому выходу.

– Ну даешь... – говорит, остановившись на мосту, – какая муха тебя укусила?!

Я задумываюсь. Во-первых, муха не может укусить пчелу, скорее наоборот. Во-вторых, она что – дура? Дракона не заметила?!

– У тебя такое лицо было...

– Какое лицо? – спрашиваю.

– Серьезное. Очень серьезное!

Еще бы! Но объяснять ничего не хочется, говорю, мол, просто захотелось продемонстрировать новое платье. У тебя вот, Даша, платье цвета морской волны, а у меня – черное! Зато посмотри, как классно сшито! Между прочим, в ателье заказано, а не куплено в секонд-хенде, как твое!

В Дашкиных глазах мелькает растерянность.

– Почему секонд-хенд? – бормочет. – Из-за границы, вообще-то, привезли... И потом... Какое черное платье?! На тебе джинсы! И кофта!

Только голос подсказывает, что платье, как тут ослушаешься? Мы спорим, но вяло – чувствую, Дашке не хочется продолжать общение. Улыбка становится резиновой, и на мое предложение поесть мороженого следует отказ.

– Не люблю мороженое! – мотает головой Дашка. Странно, по дороге из художественной школы та всегда норвила прикупить эскимо или вафельный рожок. Когда успела поменять привычку?

– И вообще, мне надо... Домой надо! Я вспомнила – у меня этюд не доделан! Давай, пока!

Уходит торопливо, оглядываясь, будто боится, что за ней припущу. А я опять чувствую страшное одиночество. Я в открытом космосе, хотя, казалось бы, сотни людей вокруг гуляют вдоль набережной, играют в волейбол на пляже перед

крепостью...

А вскоре Магдалена ремонт задумала, подозреваю, тоже из-за меня. Говорит, надо твою комнату освежить, ты ведь обои безнадежно испортила, тут без переклейки не обойдешься. Заодно стены подровняем, потолок побелим, а тогда нужен специалист.

Спустя неделю в квартире появляется некий Кирилл с ведрами, мешками сухих смесей и рулонами обоев. Его нашли через фирму «Муж на час», отзывы хорошие, вроде работает быстро и качественно. Мои возражения не принимаются – я переселяюсь на кухню, а Кирилл начинает шуметь миксером для перемешивания шпаклевки и оставлять в коридоре белые следы.

Для начала стены освобождают от моих живописных фантазий, каковые вызывают нездоровый интерес ремонтника. Он ухмыляется, когда заходит на кухню за водой, затем интересуется: что за прикол? Испортить стену – два пальца об асфальт, а вот отремонтировать – это ж целое мероприятие, причем недешевое!

– А вас разве не предупредили? – спрашиваю.

– О чем?

– Что у меня не все дома.

Кирилл опять ухмыляется.

– Предупредили... Но не до такой же степени!

Выглядит ремонтник не ах: низкорослый, с цыплячьей шеей, веснушчатый. Такого *мужа* даже на час не захочешь,

хотя сам Кирилл о себе явно другого мнения. Временами он задерживается на кухне, чтобы рассказать какой-нибудь анекдот, как правило, на женско-мужскую тему (типа «муж вернулся из командировки»). Смеется всегда первым, громко, я тоже из вежливости посмеиваюсь. Когда же приходится сворачиваться и переодеваться, тот делает это в ванной долго, демонстративно журча водой и почему-то всегда с открытой нараспашку дверью. Выйдет в джинсах и обтягивающей футболке с надписью *Nike* через всю хилую грудь и мокрые волосы перед зеркалом расчесывает! Похоже, видит в отражении Леонардо Ди Каприо, а может, Брюса Уиллиса, чему стоит позавидовать. Даже если использую весь запас воображения, не представляю себя Джоли, а этому – легко!

Работа между тем движется ни шатко ни валко, что раздражает Магдалену. Но ей объясняют: тут либо скорость, либо качество. Ей приходится еще закупать материалы, стену выравнивают во второй раз, ко мне же подкатывают в третий, а может, в четвертый. Футболка *Nike* меняется на *Adidas*, отчего грудь не становится шире, зато речи Кирилла делаются все ярче. От анекдотов он переходит к былям – рассказывает истории своих побед на любовном фронте. Много их было, после чего ему всегда предлагали жениться. Но он не спешит, зачем?!

– Как зачем?! Семья, дети – разве это плохо?!

Следует очередная ухмылка.

– Дети не главное. Главное – любовь! Кайф, понимаешь?

Увы, слова «кайф» и «Кирилл» в моем сознании никак не совмещаются. А вот в его сознании – совмещаются, как вскоре понимаю. Он утверждает, что самые лучшие девушки – худышки, сейчас мода такая. Я же, мол, смотрю показы мод от кутюр? Так вот там одни худышки-стройняшки по подиуму разгуливают!

– И что? – спрашиваю.

– Ты бы тоже смогла – если бы захотела.

– Нет, – кручу головой, – не смогла бы!

– А другое смогла бы? Ты ведь еще не пробовала, верно?

– Чего не пробовала?

– Ну, с мужчинами?

Почему-то не воспринимаю намек всерьез (это кто тут мужчина?!), и зря. На следующий день Магдалена говорит, что задержится по служебной надобности, и Кириллу рекомендует задержаться – пора, мол, заканчивать, хватит резину тянуть. Но тот воспринимает рекомендацию по-своему: работу сворачивает раньше обычного, журчит водой в душе, после чего показывается оттуда полуголый. Вынимает из сумки две баночки джин-тоники, откупоривает, одну протягивает мне. Я же кручу головой: не могу, запрещено!

– Да это ж так, компот!

– Все равно нельзя, Магдалена ругаться будет!

– Так ты маменькина дочка или взрослая девушка?

– Взрослая, но...

– Тогда имеешь право!

Ну, имею так имею! Отхлебываю раз, другой, в голове приятно шумит, и тут чувствую руку на груди! Ее сжимают так, что больно делается, о чем тут же сообщаю Кириллу.

– Сейчас будет приятно...

Может, заразе Джоли и было бы приятно (с ее-то буферами!), но тут не тот случай. Мне вообще отвратителен этот цыпленок-переросток, лезущий ко мне слюнявым ртом и пытающийся завалить на тахту. Хочу заорать, только рот зажимают, а другой рукой (лапкой?) расстегивают джинсы! Лапка уже шарит в промежности, когда раздается звучный шлепок, и потную физиономию, что нависла надо мной, искажает гримаса. Еще шлепок, Кирилла стаскивает с меня невидимая сила, и вскоре вижу разъяренную Магдалену с тряпкой в руках.

– Скотина! Тебя работать позвали, а ты чего удумал?!

Тряпка взлетает и опускается, ремонтник мечется по кухне, прикрывая голову и лихорадочно собирая вещи. Я же, застегиваясь, реву от страха, а еще от того, что на меня клюнул какой-то заморыш. Где настоящее чувство?! Где настоящий, полный наслаждений секс?! Нету ни того ни другого и никогда не будет!

Вещи, что не успевает собрать Кирилл, сгребает в охапку Магдалена и выбрасывает на лестницу.

– Я в твою фирму позвоню! – доносится из прихожей. – Тебя, тварь, уволят без выходного пособия!

Возвращается с тряпкой в руках, опускается на стул и

вдруг тоже начинает реветь.

Недоделанный ремонт она завершает сама на ближайших выходных. А я опять остаюсь одна в четырех стенах, лишенная какого-либо общения. Ау, голос! Поговори хоть ты со мной! Только коварный голос в самый нужный момент умолкает, выступив в роли того мавра, что сделал свое дело – и тихо смылся.

3. Двойник

А ведь могли бы бороться вчетвером, если бы семья рекрутировалась в полном составе. Увы, два рекрута женского пола дезертировали, что вообще-то не удивляет. Зоя утратила связь с сыном давно, еще в школьные годы – очень уж мальчик не соответствовал представлениям об идеальном ребенке. Занятый собой, плюющий на распоряжения старших, Максим раздражал; и ладно, если бы это был обычный детский анархизм, – нет, то была точка зрения! Ах ты, негодник, точку зрения иметь вздумал?! Так отведай же тяжелой родительской руки! Когда телесные наказания стали неактуальны, Зоя оставила попытки перевоспитания, переключившись на мечты о втором дитяте. Мое положение в ту пору было шатким, я возражал, но Зоя наседала и, используя женскую хитрость, *залетела*. После чего заявила: в моем возрасте аборт опасен, буду рожать! Итог: кроха по имени Светочка, радость и свет в окошке. Что любопытно: с сыном Зоя не сюсюкала, не называла уменьшительно-ласкательно, а тут ни разу не произнесли полного имени Светлана, исключительно Светочка или Светик! В лице дочери супруга воплотила мечту, посадив ее за фортепиано и даже добившись каких-то успехов. И в остальном царило полное согласие: у них были свои женские секреты, они понимали друг друга с полуслова и т. п. В итоге жизнь обрела если не гармонию, то

уж точно – равновесие.

Теперь не верится, что когда-то жили под рефрен «Все будет хорошо!». Я был спецкором главной местной газеты, супруга – диктором на ТВ; и пусть там всего три эфира в день, и газета не «Таймс» и не «Известия», быть *первыми на деревне* все равно приятно. Для провинциального Пряжка мы являлись олицетворением успеха, удачной парой со счастливым потомством. Карьера у обоих шла в гору, да еще каждый норовил выехать на детях, в частности – на Максиме, который даже имя получил с прицелом на «максимальные» задачи (это я настоял, жена вообще-то хотела Валерой назвать). И Максим оправдывал имя, с молодых ногтей выделялся среди сверстников острым умом, схватывая все на лету. Ну ладно – физику не схватывал, скучал на уроках, но в знании истории или литературы ему не было равных. А тут еще в лицейский класс попал, с преподаванием философии, где вообще оказался на голову выше всех. Как положено в детстве, были какие-то лагеря, походы, купание в речке Пряже, потасовки с одноклассниками, рок-музыка и портреты Цоя и *Depeche Mode* над кроватью. Но джентльменский набор подростка, возрастающего в эпоху перемен, представлялся полной чепухой, чем-то малосущественным. *Depeche Mode* слушали все, а Бердяева и Гегеля в пятнадцать лет читал только Макс (так его звали однокашники). О докладах Макса в школе ходили легенды, а сам он без стеснения спорил с преподавателями – и зачастую побеждал в дискуссии!

В итоге уже в девятом классе Цой со стены исчез, а на его место вывесили известный портрет работы Беккера, где был изображен Иммануил Кант.

Выпускнику светила дорога в МГУ, но в Пряжке уже работал филиал питерского университета, куда и направил стопы новый (так казалось) Кант. Питер отложили на попозже, когда родители вундеркинда увяжут вопросы с недвижимостью и вместе с талантливым отпрыском рванут на берега Невы. «Натерпелись, будет!» – говорил я себе, мечтая о забытом уже Эрмитаже, Публичке, Невском, по которому ежедневно гулял в студенческие годы... Да, получив диплом журфака, я сбежал на родину, где имелось родительское жилье и гарантированная работа в местной прессе. Но теперь-то я все наверстаю! То есть – мы наверстаем, и в первую очередь Максим! Можно ли взять с собой Аню? Да бери кого хочешь! Ты же звезда курса, вопрос о переводе в СПбГУ решен заранее!

Только не зря говорят: хочешь насмешить бога – поделись с ним планами. Порушились планы, пошли коту под хвост, хотя, конечно, не в одночасье. Шли тревожные звоночки, и давно! Но я, ослепленный болван, принимал их за звон литавр. Взять хотя бы случай с приглашением в Петербург, когда Макса в компании с парочкой преподавателей позвали на встречу с самим Жаком Деррида, соизволившим приехать из Парижа, чтобы прочесть парочку лекций на философском факультете. Не знаю, как в Питере, но наши про-

винциалы буквально передрались за путевки в северную столицу. Лишь одно место не вызвало полемики – поскольку по разнарядке нужно было взять студиозуса, в делегацию включили Макса.

– Он что – великий? – интересовался я. – Этот Деррида?

– Так принято считать, – говорил сын, – но на этом солнце тоже есть пятна. Причем в немалом количестве.

Надо же, гордился я, не подкладывается под авторитеты! Самостоятельно мыслит! А тот что-то подчитывал перед дальней дорогой, страстно общался с кем-то по телефону, чтобы вскоре отправиться на вокзал.

Дальнейшее я знаю со слов Ани. Выступление столпа мировой философии проходило при полном аншлаге, ему глядели в рот и едва не на руках носили. Обычно в таких случаях дискуссий избегают, дабы не обижать гостя – мнениями обмениваются в кулуарах. Но тут из глубинки явился вундеркинд, не знающий (или не желающий знать), что такое комильфо, и с ходу ввязался в спор. Доктора и кандидаты сидят в рот воды набрав, а этот дискутирует едва ли не на равных! Ведущий его урезонивает, грозит вывести из зала, а Макса несет, тот будто с цепи сорвался.

– И чем дело кончилось? – спросил я.

– Он ушел с лекции. Но перед этим такое сказанул... – Аня засмеялась. – Вообще улет! Вышел прямо к сцене, где сидел этот француз, ткнул в него пальцем и говорит: вы, мол, предали Декарта! Потом повернулся и ушел! У нас преподы

до сих пор в шоке, представляете?!

Потом она посерьезнела. Макса, сказала, в последнее время частенько заносит. Спорит, как правило, до пены у рта и разрыва отношений, хотя оппонент давно признал его правоту и прекратил полемику. А еще делает вид, что обладает неким тайным знанием, недоступным тупым. Начнешь выспрашивать – обижается, замыкаясь в себе; оставишь без внимания – тоже обида...

Я же, дурак, отмахивался, вроде как милые бранятся – только тешатся. А вот Зоя не отмахивалась, держала ухо востро: приглядывалась, прислушивалась к Светочке и делала нужные выводы. Однажды Максим потребовал у нее, чтобы поставили дополнительный замок на входную дверь, мол, в квартиру может кто-нибудь забраться! Поскольку уже имелось два замка, в просьбе было отказано; так он взял и лично установил задвижку, кое-как (с инструментом Макс не дружил) присобачив ее на саморезы. Я только посмеялся над необоснованной тревогой, Зоя же поставила галочку. Еще одна галочка появилась после заявления дочери о том, что Максим, когда она играет на фортепиано, начинает как-то странно кружиться по комнате, вроде как танцует. Спросишь – зачем он это делает? – обзовет идиоткой и уйдет к себе в комнату. Но в следующий раз, как только начинает звучать Брамс или Чайковский, опять выходит в гостиную и начинает вальсировать!

– Ты понимаешь, что это ненормально? – вопрошала Зоя,

когда сходились на вечерней кухне.

– Обычные чудачества, – пожимал я плечами, – он все-таки неординарный юноша, это надо учитывать. Знаешь, что делал Шиллер, когда хотел обрести вдохновение? Раскладывал по комнате гнилые яблоки и жадно вдыхал их аромат! После чего садился и писал гениальные произведения!

– По-моему, ты тоже с приветом... – крутила головой супруга. – Какой Шиллер?! Ладно, сестру обзывает – это обычное дело. Но он ведь Сызранских обозвал деградантами, причем в лицо!

Сызранские входили в наш круг, оба работали в администрации, и Зоя очень ценила знакомство. А тут такой конфуз на семейном празднике! Извиняться Максим не желал, пришлось заглаживать обиду, а спустя месяц новое заявление, дескать, некие сущности высасывают из него энергию. Ему нужно делать курсовую, работа сложнейшая, а они сосут и сосут! Тут уже встревожился я, даже предложил сделать паузу в учебе. Ты себя не бережешь, Макс! Возьми академический отпуск, съездите с Аней к морю, мы денег дадим!

Только сыну море было по барабану, он таки нашел энергетического вампира – младшую сестру. После чего в доме началась позиционная война. С самого рождения дочери она пребывала под крылом супруги, моей зоной ответственности был сын. Тут же зоны превратились в плацдармы, между которыми развернулись боевые действия. Супруга служила спасительным окопом, в который в любой момент ныряла

перепуганная Светочка, но, если требовалось – звучал ответный залп. Один раз Зоя пощечину Максу влепила, в другой пригрозила полицию вызвать, если не прекратит сестру третировать. Именно в те дни трещина, что всегда существовала между матерью и сыном, начала превращаться в пропасть. Жизнь шла своим чередом, а в семье уже намечалась линия разлома, которую лишь углубили первые визиты к врачам.

На врачах настояла Зоя, хотя о Пироговке тут речь не шла. Мы были людьми заметными и, дабы избежать сплетен, ездили в соседний областной центр, где за мзду нас консультировали врачи и главврачи тамошних диспансеров. Мзда, с одной стороны, заставляла с нами возиться, расспрашивать Макса в нашем присутствии и тет-а-тет; с другой – подвигала консультантов к уклончивости, ведь клиента обижать грешно (да и накладно). И хотя суммы раз от разу росли, ясности не прибавлялось. Рассуждали о *философской интоксикации*, то есть о перегрузке молодых мозгов вечными (и неразрешимыми) вопросами. Говорили о нарциссическом комплексе, что для одаренных людей не редкость. Вера в собственную уникальность, знаете ли, перерастает в потребность в восхищении, а там, если не предпринять мер, и до мании величия недалеко. В качестве мер предлагался психотерапевтический тренинг, легкие препараты, но все это было нереально. Если Макса еще удавалось запихнуть в машину, чтобы съездить на консультацию, то посещать психотерапевта он отказывался вчистую.

– Какой смысл?! – восклицал. – Если бы это был Лакан или Юнг, я бы еще подумал. А эти – кто такие?!

И все же я смотрел вперед с оптимизмом: мало ли чего в жизни бывает! В детстве Макс чем только не болел, от пневмонии чуть не умер, так ведь выкарабкался! Супруга же, ведомая женской интуицией, готовилась к чему-то серьезному. Уже позже я узнал, что она тайком наводила справки о моих родственниках чуть ли не до пятого колена. И углядела на генеалогическом древе пару-тройку подгнивших плодов: где-то чудаковатость обнаружилась, где-то алкоголизм, был и диагноз МДП, поставленный двоюродной тете. Вывод: дурной ген передался по линии нашего рода, а тогда ты и расхлебывай последствия! С эскулапами у нее тоже были отдельные встречи, и ничего хорошего ей не посулили. А тогда резонно увеличить наметившийся разрыв. Зоя перебралась из общей спальни в комнату дочери, каковую всячески оберегали, Макса же игнорировали, будто это не родной сын, а подкидыш.

Точкой невозврата стало исчезновение Макса, всполошившее нас (и не только нас). Сын редко не ночевал дома и всегда об этом предупреждал. А тут одну ночь отсутствует, другую, так что пришлось обзванивать приятелей и, естественно, тормошить Аню. На нее была главная надежда, дескать, загуляли голубки, так это ж дело молодое! Однако амурами тут не пахло, Аня сказала, что они поссорились, точнее, Максим вспылил и, хлопнув дверью, от нее сбежал.

– Он странный был. Приглашал искать вместе с ним какое-то место силы...

– Да? А где оно? Ну, место?

– Понятия не имею. У него статья застопорилась, так вот он сказал: там все восстановится. Придет озарение, вернется работоспособность... Надо только найти это место.

На третий день подали в розыск. Как водится, искали ни шатко ни валко, порекомендовав тоже не сидеть сложа руки. Можно подумать, я бы сидел! В те дни я был на нервах, и моя выдавшая виды «тойота» беспрерывно колесила по городу и окрестностям. Меня штрафовали гаишники за нарушение правил, однажды чуть в ДТП не попал, да и на службе косяки следовали один за другим. Помню, приехал на радио в прямой эфир, подготовился вещать, и вдруг – пустота в голове! Белый лист! Ведущая задает наводящие вопросы, сама же на них отвечает, а спикер превратился в великого немого! Провалил передачу, короче, мычал что-то, как полный debil, со стыдом сбежав из студии.

Максим возник на следующий день, сосредоточенный и по уши грязный.

– Где был?

– Неважно, главное, я нашел то, что искал!

– И что же ты, сукин сын, искал?! А главное, почему не изволил сообщить, что отправился на поиски чего-то архиважного?!

У меня рука зудела врезать ему, исхлестать ремнем (чего

я вообще-то никогда не делал). Но я сдержался, чтобы вскоре в очередной раз погрузиться в царство абсурда. Он нашел место, где можно мыслить свободно и раскованно, не пребывая в шорах обыденности. Чтобы туда попасть, следует сесть на пригородный автобус, выехать в направлении селения Кирпичево, после чего выйти за две остановки до него и углубиться в лес.

– Так ты в лесу ночевал?!

– Почему в лесу? В Кирпичево, там заброшенный сарай... А-а, неважно! Главное, найдено место силы!

В прокуратуре озвучили просьбу: не разглашать сей факт, все-таки заявители публичные люди, лишний шум ни к чему. Но Пряжск – город невеликий, каждая собака друг друга знает, потому и зазвучало за спиной «шу-шу-шу». Что особенно задело супругу, ежедневно вещавшую с местного голубого экрана. «Опозорил», «ославил», «на мне теперь клеймо!» – в таком духе она реагировала на случившийся форс-мажор. Мне тоже такая слава была не нужна, но я взрывался, кричал, защищая Максима, что мира в семье не прибавило.

Позже я понял, какой ценой далось Зое убийство материнского инстинкта. Она не устраивала истерик, не обливалась слезами, все носила в себе и доносила до микроинсульта, даже речь на время сделалась бессвязной. Когда способность говорить членораздельно восстановилась, мне было заявлено:

– Видишь, во что это выливается?! А Светочка?! Она ведь

спать перестала!

Собственно, она спасала дочь. При другом раскладе можно было бы воззвать к совести, традициям, святым обязанностям, etc., но на пути этих апелляций легла, как упавшая сосна, несчастная Светочка. Дочь и впрямь жила в страхе, Максим был агрессивен по отношению к ней, а главное – стал непредсказуем. А если рядом с тобой живет тот, кому, как ветру и орлу, нет закона – крепко задумаешься. А потом возьмешь и подашь на раздел жилья. Наша шикарная четырехкомнатная на проспекте Победы, где у каждого члена семьи было свое пространство, превратилась в две двушки в разных концах города, одна из которых была вскоре продана, затем и чемоданы оказались собраны. Запомнился наш последний разговор, когда, оформив развод, вышли из здания районного суда.

– Можешь меня осуждать, но я – права! Черт с ними, с генами, это дело темное. Не надо было носиться с ним как с писаной торбой!

– А я носился?!

– Еще как! Новый Кант! Портрет повесил! Лучше бы в футбол играл, как остальные мальчишки! Так что любишь кататься – люби и саночки возить!

Зоя с дочерью уехали в другой город, где их следы потерялись. Это называется начать жизнь с чистого листа, в то время как мне был оставлен старый, исчерканный лист с кляксами, которые при всем желании не ототрешь. Мож-

но сказать, я остался тет-а-тет с двойником Макса. Все подлинное, настоящее, человеческое, перспективное – осталось в прошлом. А в настоящем рядом со мной поселился ненастоящий двойник, у которого ничего человеческого не осталось, а все перспективы исчезли, испепеленные жуткой хворобой...

Супруга поселила во мне комплекс вины, и я скрупулезно перебирал эпизоды минувшего, например, как в неполные четыре года учил сына читать. Может, не стоило втемашивать грамоту в юную голову? Может, свободная от лишних знаний голова есть голова здоровая? И в спортивную школу не захотел его отдавать, хотя тренер утверждал: из Максима получился бы неплохой спринтер. Какой спринт?! Какие ноги?! Главное – интеллект, потому и подбор подростковой библиотеки происходил нетипично, без обычных Жюлей Вернов и Александров Дюма. А не изволишь ли, сын единокровный, с Федором Михайловичем ознакомиться? Да, классик имеется в школьной программе, через три года прочтете, но ты, похоже, уже созрел. А ведь, если здраво рассудить, достоевские персонажи – поголовно невротики, а кому-то и до психопата недалеко. И с *глыбой* Макс ознакомился раньше одноклассников, более всего заинтересовавшись квазифилософскими трудами гения. Жаль только, «непротивление злу насилием» плохо сочеталось с реальной жизнью, когда требуется элементарно дать в пятак. После школьных и дворовых стычек я советовал быть выше этого, реко-

мендовал уклоняться от конфликтов, наверное, зря. Может, лучше бы бил физиономии тем, кто толкал и ставил подножки?

Я искал первопричину, просеивая грунт прошедшей жизни, будто золотоискатель – речной песок. Увы, искомый самородок не давался в руки, даже когда тайком заглядывал в записи подопечного. Почерк был чудовищным, буквы скакали, наползая друг на друга, но главное, скакал и спотыкался смысл. В своей тетрадке Макс писал о какой-то клебсиеле, хитром микроорганизме, каковой все более распространяется в коллективном теле человечества. Мы качаем мышцы, разрабатываем диеты, изобретаем новые лекарства, а клебсиела медленно, но верно захватывает всех и каждого. У этой невидимой твари нет симбиотической программы, она не паразит, заинтересованный в продлении жизни организма-хозяина; клебсиела – убийца, готовая уничтожить нас как вид!

Ну и где тут первопричина?! Это следствие, завихрение мозгов, а вот *что* их скрутило, свернув в безумную спираль, – непонятно. Причем беседы с профессионалами в белых халатах ясности не прибавляли. Один из консультантов, плюнув на политкорректность, рубанул, мол, не загоняйте себя в невроз, эти поиски бессмысленны! Как?! У всякой болезни должна быть причина, так сказать, корень зла! Он же отвечал, что психика – дело мутное, и почему она дает сбой, неизвестно. То есть один спокойно переносит любое мозговое напряжение, другой в самых щадящих условиях крыши

едет.

– Значит, ваши рекомендации ни на чем не основаны?!

– Я бы так не сказал. Но основания зыбкие, так что проявляем заботу о тех, кто в здравом уме. Вы на себя в зеркало давно смотрели?

– В зеркало?! – вздрогнул я. – Давно...

Ограничившись рецептом на желтенькие таблетки, я не стал рассказывать про зеркала, завешенные гардинами и одеялами. Какой смысл приумножать зыбкие основания? Вряд ли мне объяснили бы, почему зеркальные глубины пугают моего Кая. Какие страшные картины он там наблюдает? Я понял одно: на нас обрушилось необъяснимое *нечто*, произошло извержение вулкана, которое ни предсказать нельзя, ни причины катаклизма вычислить. Получалось, что видимая ткань разумной жизни – лишь жалкий покров, ничтожная пленка на поверхности, а под ним бурлит лава безумия. Где она вырвется? Когда? Фиг его знает, нам дано лишь последствия разгребать. И молиться (кто умеет) о том, чтобы чаша сия его миновала: не дай мне бог сойти с ума, уж лучше посох и сума, ну и т. д.

Странно (или не странно?), что раньше я не очень-то обращал внимание на подобные *извержения*, игнорировал их, как и все мы, грешные эгоисты. Не случись того, что случилось, вряд ли бы я вспомнил жену замдиректора камвольного комбината, вернувшуюся из психушки спустя месяц. Из орущей фурии, что в розовых трусах бегала по двору, отби-

ваясь от санитаров, та превратилась в молчаливую тень. Даже в летнюю жару ходила в сером осеннем пальто, в карманах которого всегда имелось просо либо хлебные крошки. В ту пору в Пряжке еще высились голубятни во дворах, в воздухе порхали сотни сизарей, и наша стукнутая (так ее обзывали мальчишки) их кормила. С людьми она не общалась, полностью ушла в себя; и ей платили той же монетой. Она была словно чумная, с кем опасен близкий контакт, большинство с ней даже не здоровалось.

– Она тебе двинет по башке, – объясняли знающие пацаны, – и ей ничего не будет! Даже если прибьет кого, все равно в тюрягу не сядет! Почему? А у нее справка из дурки! Таких – не сажают!

Теперь же и кормилица голубей вспомнилась, и Женька Пинхас, лучший студент журфака, еще на третьем курсе писавший в городские газеты и делавший репортажи для телевизионных новостей. В эпоху перемен (а за окном бурлили перемены) социальные лифты поднимают на верхние этажи миллионы безвестных персонажей. Но в случае Пинхаса это был не лифт – космический корабль. Умница, талант, симпатяга с черными кудрями, Женька ко всему прочему был щедр и хлебосолом, с гонорара нередко затаскивал друзей в ресторан, откуда уходил, как правило, с самой красивой девушкой. Он и женился на самой-самой – Ритке Усачевой, – по которой вся мужская половина курса тайком вздыхала. В общем, жена-красавица, карманы, полные *капусты* (слово

«бабло» тогда было не в ходу), квартира в сталинском доме и, как огромная вишня на торте, собственная иномарка. В те годы импортное железо только начинало колесить по городам и весям, так вот Пинхас, которого взяли на 5-й канал, приобрел *Volvo*. И, опять же, с удовольствием катал друзей и знакомых, по-прежнему оставаясь общительным хлебосолом. Уехав из Питера в Пряжск, я не потерял Женьку из виду, ну, трудно было потерять. Он постоянно маячил в кадре: вел репортажи, ток-шоу, что начали появляться на отечественном телевидении, короче, находился в топе. Я даже хвастался знакомством, мол, глядите – мой однокурсник вещает! Дружбан и собутыльник!

И вдруг Пинхас в одночасье пропадает. Передачи остались, а Женьки на экране нет, как корова языком слизнула! Была мысль, что блестящий журналист, прекрасно владевший английским, свалил за бугор, что в девяностые многие делали, но, как выяснилось на праздновании десятилетия выпуска, я ошибался.

– Какая эмиграция?! – воскликнул Вадик Баринов, староста курса и организатор пьянки выпускников. – Из Бехтеревки он не вылезает!

– Откуда? Извини, я не в курсе...

– Из дурдома – третий год лечится. Ужас, если честно!

Заболел он внезапно, на пике карьеры. Вначале Женьку лишили эфира – он стал чудить перед камерой, позволял себе то, чего журналист позволять не должен. Потом и вовсе с

канала уволили за профнепригодность. Вот те на! Пинхас и профнепригодность – две вещи несовместные! Но это было правдой, внезапная деменция рушила жизнь, как тайфун – прибрежные хибары рыбаков. Ритка с ним развелась, отец заболел и вскоре скончался, так что за ним ухаживает только старая мама, которая тоже на ладан дышит.

– Кстати, – сказал Вадик, – у него сейчас ремиссия. Вроде обещал прийти, так что сам все увидишь.

Внешность Пинхаса поразила: плешь, обрамленная седенькими пейсами, тремор рук, из-за чего он постоянно не доносил закуску до рта, и потухший взгляд. Казалось, десять лет, минувших с выпускного, Женька провел в машине времени, прожив все пятьдесят. Вначале однокашники (а более – однокашницы) по привычке ластились к бывшей душе компании, что-то выпрашивали, но быстро поняли – душа испарилась. Пинхас то уходил в себя, вперяясь взглядом в блюдо с соленой семгой, то начинал улыбаться ни с того ни с сего, то произносил нелепые тосты. И вскоре вокруг него образовался своеобразный вакуум. Соседи пересели на другой край стола, веселились и старательно не замечали молодого старичка, вынужденного вести диалог с самим собой. Женька что-то бормотал себе под нос, чтобы под занавес застолья подняться и, угрожающе размахивая вилкой, громко произнести:

– Босфор! Если его не взять – все пропало! Но вы против! Что, разве не так?! Все до одного – против!

Он схватил ту самую семгу, лишь реакция Баринаова спасла от того, чтобы массивное блюдо не опустилось на чью-то голову. Когда Пинхас был отправлен восвояси, организатор дал волю досаде:

– Надинамила еврейская мамочка насчет ремиссии! У него же острая фаза, к бабке не ходи! Если б знал – хрен бы он тут появился!

Пинхас тоже был чумным, ходячей нелепостью, мешавшей общему веселью. И я в числе других хотел побыстрее забыть эпизод, не рифмующийся с жизнью нормальных людей. А ведь никто не застрахован, сегодня ты *нормальный*, завтра – клиент желтого дома. Все рифмуется, мы просто себя обманываем, уверовав в собственную здравость, как в догму. Догма – безумие, норма – химера, призрачная реальность!

В зеркалах – тоже призрачная реальность, но почему-то она меня привлекает, буквально втягивает в себя. «Что же делать?!» – спрашиваю моего двойника, когда ночью таращусь в мерцающее зеркало. Но двойник бессилен, как и я, и готов сдаться, штрейкбрехер несчастный. «Ничего не делай, – слышу предательский шепоток, – замри и не двигайся!» Там опять видна серебристая аура, так что поневоле задумаешься: а можно ли увидеть в зеркале душу? Ну, если условиться, что душа есть, то – можно ли? В доме покойника, как я выяснил, зеркало завешивают, чтобы отлетевшая душа не поселилась в зазеркалье, как в клетке, и не мучила расторопных домочадцев, не пустивших ее в потусторон-

ние эмпирии. Ночью в такое веришь безоговорочно, как и в истории про зеркала, что в канун несчастий и катастроф трескались или разбивались вдребезги. Есть что-то загадочное в зеркальном мире, где наша жизнь лукаво перевернута справа налево. Там, в зазеркалье, таится насмешка над нами и одновременно – надежда. Я могу битый час таращиться на отражение, доходя до глюков, когда силуэт начинает двоиться, и в итоге уйти ни с чем. Кроме надежды, нелепой и абсурдной...

* * *

И все же пора выходить на службу. Чтобы нейтрализовать подопечного, подсыпаю в пищу все больше желтеньких, призванных заткнуть фонтан абсурда (что пока фонтанирует). Итак, посмертные гороскопы составлены на всех, кого вспомнил Кай, что на очереди? Ага, опять манипуляции с зеркалами! Одно снято со стены в прихожей, другое принесено из ванной. Зеркала ставятся напротив друг друга, между ними влезает всклокоченная голова Кая. Что он, интересно, высматривает в этих зеркалах?

Понаблюдав сцену сквозь дверную щелку, утром любопытствую: что за новая фишка? Почему зеркал – два? Следует пауза, вроде как вопрос игнорируют, затем звучит ответ:

– Хочу освободиться от наблюдателей.

– Как это?! Они же высшие существа, ты с ними не спра-

вишься!

– Если создам тоннель перехода, справлюсь. Зеркала отражаются друг в друге тысячи раз. Или миллион, я не считал. И, если в одном зеркале появятся наблюдатели, нужно тут же подставить другое!

– И что?!

– Они запутаются в тоннеле. Будут постоянно перескакивать из одного зеркала в другое.

Логика в этом есть: Кай устал, ему надоело возиться с гардинами, он хочет решить проблему радикально. Но здравомыслия как не было, так и нет. А значит, нужно еще прибавить дозу, чтобы если не выбить дурь из башки, то хотя бы загнать ее внутрь. В глубины подкорки законопатить, в ствол мозга, где хранятся базовые рефлексy, не оформленные в мысли. Сознание – вот область зловещих фантазмов, именно его нужно очищать и дезинфицировать, изгоняя *тараканов* и отправляя их на нижние этажи.

Максимальная доза еще не достигнута, я знаю, ведь препарат получен от одного из консультантов. Знаю и то, что можно не заморачиваться, а просто упечь Кая в Пироговку, и дело с концом. Соседи охотно подтвердят дикие крики в ночи, я расскажу про «тоннель перехода», да и сам вид моего йети весьма красноречив. Пока-пока, мучитель, отдыхай за казенный счет, лечись под присмотром опытных эскулапов, они помогут!

Беда в том, что не помогут. Не верю я эскулапам, а нашей

психушки попросту боюсь. Верно говорят: меньше знаешь – крепче спишь. А как я, спецкор ведущей местной газеты, могу знать меньше? По долгу службы приходится знать больше других, в том числе о жизни в желтом доме, где лет десять назад случился скандал (мягко говоря). В пригороде у нас воинская часть стоит, там солдатики маются от избытка гормонов. Так вот одно время они повадились в изолятор Пироговки, где одна оборотистая санитарка устроила своего рода публичный дом. Умалишенных девиц подкладывала под горячие солдатские тела, предварительно вкалывая пациентам двойной аминазин. Страсти после него не добьешься, зато сопротивления не будет, сразу семерых обслужить можно, бывало, и всю дюжину. Брала санитарка по-божески, входя в положение служивых, и, если бы одна из подневольных не умерла во время групповухи, все продолжалось бы. Ходили и другие жуткие слухи о Пироговке, о чем журналисты с большим энтузиазмом докладывали *Urbi et Orbi*. Залечивают, мол, а буйных держат в холодных карцерах!

Потому и бегаю тайком по врачам, оттягивая постановку на учет и ожидая просветления как манны небесной. Были ведь моменты, Максим возвращался к жизни, сбрасывая личину Кая. Когда он осознал, что Зоя с сестрой исчезли из нашей жизни, мозги прочистились, он пытался звонить матери, правда, безуспешно. После очередной попытки вдруг разрыдался:

– Все из-за меня! Я во всем виноват! Но что я могу сде-

лать?! Пап, скажи – что?!

В такие моменты сердце обрывается и летит куда-то вниз, в бездонную пропасть. Если бы оно разбилось о камни, разлетевшись на куски, было бы лучше; только сердце не разлетается, оно должно работать и двигать вперед того, кто призван доставлять материальные блага. Если не я – то кто их будет доставлять?!

Наконец Кай справляется с теми, кто наблюдает за посюсторонним адом – драпировок больше нет. Любопытствующие из совершенного мира, надо полагать, досадуют: надо же, лишили любимой забавы! Это ведь страшно интересно – наблюдать возню человеко-насекомых, каковые ненавидят друг друга, пьют кровь и устраивают гекатомбы. Но Кай это не комментирует, он предпочитает спать. Что дает возможность вернуться в покинутый мир, который вопит на автоответчике, требуя моего присутствия.

Желаю ли я этого? И да, и нет. С одной стороны, хочется нормального общения, понятной логики, *человеческого, слишком человеческого*. С другой – нелегко жителю города, где свирепствует чума, привыкнуть к жизни в захолустье, где на улицах не валяются трупы и не бродят похоронные команды. Такому и здоровые кажутся безнадежно больными, как Дудкин, экс-мэр Пряжка, ныне активнейший пенсионер. В мое отсутствие он регулярно посещал редакцию, принося материалы, направленные против мэра нынешнего. А в день моего появления соизволил притащить целый том под

названием «Курочка Ряба».

– Сказки писать вздумали, Петр Васильевич? – кисло улыбаюсь, вертя в руках аляповатую желто-красную книжку. Она пахнет типографской краской, видно, только отпечатана, что подтверждает Дудкин. Мол, сигнальный экземпляр – и прямо в вашу газету, потому что здесь собрано все воедино! Все прегрешения городского главы, все злоупотребления, главное из которых – тайное покровительство птицефабрике, которой мэр владел до своего избрания. На словах он вроде отошел от бизнеса, а на деле? То-то и оно, продолжает через подставное лицо участвовать в совете директоров, выбивает заказы, обеспечивает сбыт, в общем, тюрьма по нему плачет!

– Сказки! Эти сказки давно стали былью! А наш градоначальник рожден, чтобы их таковыми делать!

Название «Курочка Ряба» – издевательская ирония над мэром-птицеводом. Ну и месть за то, что г-на Дудкина выперли отовсюду, даже в депутаты не пустили, каким-то хитрым образом вычеркнув из партийных списков. Вот откуда кипение, брызганье слюной и анафемы, коими в статьях (и в книге, понятно) предают тайного крышевателя семейного бизнеса. А также казнокрада – по утверждению Дудкина, из бюджета бесследно исчезла огромная сумма, предназначенная на раскопки Кургана Славы. Срыть верхушку насыпного мемориала планировал еще Дудкин, пребывая на посту главы города. Он вспомнил, что в недрах кургана лежит гиль-

за с письмом комсомольцев середины прошлого века – к молодежи века двадцать первого. А тогда – почему бы не достать и не прочесть? Времена изменились, но молодежь не задушишь, не убьешь, ей будет интересно ознакомиться с посланием из прошлого, значит, забьем мероприятие отдельной строкой бюджета. Демонтаж гранитных плит, земляные работы с использованием бульдозеров, вывоз грунта, последующее облагораживание территории – на круг получалась изрядная сумма. Увы, Дудкин проиграл выборы, осваивать бюджет предстояло следующему начальнику, каковой и вычеркнул строчку, не соизволив при этом уменьшить общий бюджет. А это означает: попросту украл! По ходу надругавшись над памятью бывших поколений, чье послание так и останется тайной!

Открываю книжку наугад, чтобы прочесть: «Все помнят, как наш мэр боролся за свое кресло. Он раздавал народу навоз! То есть куриный помет со своей птицефабрики, предлагая использовать его в подсобных хозяйствах в качестве удобрения! Ха-ха-ха! Куриный помет нельзя закладывать в грядки! Он сжигает семена, не дав им взойти! Но народ не знал этого, брал помет и голосовал за навозного мэра!» Глава так и называется: «Мэр навозный», что можно счесть стихом, облитым горечью, злостью и еще кое-чем.

– Так вы что хотите? Рецензию на ваш опус?

– Было бы замечательно! Не возьметесь? Если хотите, я заплачу...

– Нет-нет-нет! – поднимаю руки. – Рецензента ищите на стороне! А лучше двух!

– Два-то зачем?! – не въезжает Дудкин.

– Нужны мнения *pro* и *contra*. Чтобы у читателя сложилось, так сказать, объективное впечатление.

– Так у меня же все объективно! Там чистая правда!

Седовласый пенсионер пунцовеет и впрямь выглядит борцом за чистейшую, как родниковая вода, правду. Даже не верится, что в свое время г-н Дудкин был кум королю, мог вызвать на ковер любого руководителя, в том числе нашего главреда, и устроить экзекуцию. Разъезжал по городу на казенном «мерсе», развлекался браконьерской охотой на водоплавающих в пойме Пряжи, короче, ни в чем себе не отказывал. А главное, именно в его правление оскоромилась санитарка из Пироговки, угробившая несчастную пациентку! Больше того – в нашу газету передали негласный приказ не афишировать происшествие. Зачем позорить город? К здравоохранению и так претензии, а тут такой одиозный случай!

Тут же накатывает волна отвращения, она буквально захлестывает: хочется взять мраморный письменный прибор со стола и опустить на благородные седины. Вот же сука! И наверняка ведь верит в то, что выводит прохиндея на чистую воду! Интересно, если бы зеркало отражало душу, что бы увидел г-н Дудкин? Тело у него лощеное, румянец на щеках, такой до восьмидесяти легко протянет, может, и дольше. Но в магическом зеркале (представим, что такое имеет-

ся) отразилось бы нечто сморщенное, с кривыми клыками и злобными глазками-бусинками. Зубастая визжащая тварь, готовая вцепиться в горло победившего соперника – вот кто ты на самом деле...

– Что вы на меня так смотрите?! На мне, вообще-то, ничего не нарисовано...

«Еще как нарисовано...» – думаю, выдыхая. Я в одном шаге от того, чтобы выдать плоды воображения в вербальном виде, но положение спасает заведомо Телешев. Ворвавшись в кабинет, тот сразу же хватается в руки желто-красный том.

– О-о, да вы писатель, Петр Васильевич! Наш, понимаете ли, Достоевский! Пряжск гордиться будет вашими трудами, в центральном парке вам памятник поставят!

Дудкин опять наливается краской.

– Смеетесь... Ладно, посмотрим, кто посмеется последним!

Пухленький Телешев, с трудом носящий свое брюшко, плюхается на диван.

– Вы будете смеяться, Петр Васильевич! Вы! А мы будем рыдать. Осознавая, насколько вы были правы, мы будем обливаться горькими слезами!

Пока Дудкин судорожно откланивается, заведомо продолжает куражиться. Смех обрывают, когда экс-мэр скрывается за дверью.

– Чего надо этому козлу? – звучит вопрос. – Рецензию на

книжку?! Ну, обнаглел! Хотя... Гонорар предлагал?

– Можно сказать – да.

– А ты?

– Отказался.

Телешев всплескивает руками.

– Ну, даешь! Барбос, конечно, превратился в Бобика, но авуары наверняка сохранил. Так что мог бы мал-мал поднаться, после отпуска обычно на подсосе сидишь. Кстати, как провел? Ездил куда-нибудь?

– Да, ездил... – бормочу. – В Новосибирск.

На меня выкатывают выпуклые глаза.

– В Магадане не пробовал отдыхать?! Ну, даешь... Я вот в Эмираты мотался в прошлом году. Дорого, блин, зато отдых – по высшему разряду!

Сам не понимаю, откуда выскочил Новосибирск. Я же там не был ни разу, если б задали пару наводящих вопросов – моментально бы погорел! Но коллега впадает в ностальгию, вспоминает пляжи Персидского залива, пальмы и девушек со всех концов мира. А меня по-прежнему трясет – адреналин еще гуляет в крови, мраморный прибор никуда не делся, так что Телешев сильно рискует. Когда же ты уйдешь?!

– Может, по сто грамм? – поднимаясь, говорит. – Для поправки головы? Судя по твоей физиономии, в Новосибирске хорошо наливают...

О черт! Не надо было вчера пить, рожа и впрямь одутловатая! Хорошо еще, в зеркало не предлагает смотреть, как

некоторые...

И хотя выпить хочется, я отказываюсь. Боюсь, прорвется тонкая пленка, и сказану такое, о чем долго буду жалеть. Дескать, чмо ты с протезной головой, Телешев, ловкач дешевый, иначе говоря – *хуматон*. У тебя же на лбу написано, что ты не до конца родился. Вроде состоявшийся мужик, хват, на ходу подметки режешь, а присмотришься – родовая слизь по всему пухлому телу, и пуповина вслед тянется!

Других коллег тоже не желаю видеть, хотя все приветливо здороваются и, опять же, интересуются, как я отдохнул. Как висельник перед казнью. Как могильщик, копавший мерзлый грунт без выходных. Чтоб ваше право на отдых реализовывалось с тем же успехом, мои дорогие!

Приступ идиосинкразии усиливается после планерки, устроенной почему-то не утром, а под занавес трудового дня. «Город живет напряженной жизнью, – вещает главред Субботин, размахивая длинными мосластыми руками (он и сам мосластый и длинный). – А мы ее не отслеживаем! Отстаем от ритма, занимаемся перепевами того, что пишут “Известия” и “Независимая”. А ведь наш регион имеет свои особенности, нас столичные проблемы мало касаются!»

Наблюдая за тем, как Телешев, опустив лысоватую голову, жмет кнопки на мобильном (SMS, похоже, пишет), улетаю мыслями на свою окраину. Вроде еда оставлена на плите, но поднадзорный вряд ли будет ее разогревать – предпочитает запихивать в себя холодные продукты и запивать водой из-

под крана. Сто раз было говорено: в Пряжске жесткая вода, в ней кальция выше крыши, значит, пей отфильтрованную! Он же отвечал, что кальций, стронций и прочие водороды-кислороды есть условность, выдумка человеческая. Мир на самом деле состоит из сгустков и пустот цельной материи, здесь густо, там пусто – вот главный принцип мироздания!

Состояние достигает пика, когда Субботин просит задержаться, прямо как в кино про Штирлица. Вертя в руке карандаш и не глядя в глаза, тот мягко советует не обострять отношения с экс-мэром. Ага, старый козел и сюда успел забежать; а главный встал на вытяжку, хотя Дудкин теперь никто и звать его никак! Глубоко, видать, рабская сущность засела, клещами не вытащишь...

– То есть предлагаете хвалебную рецензию поместить?

Главред морщится.

– Зачем хвалебную?! Нынешний градоначальник вряд ли такое одобрит, но... Обострять не надо! Сегодня они соперники, завтра в одном списке на выборы пойдут!

Мраморных приборов тут нет, да и не дебоширю я в чужих кабинетах. На меня вдруг наваливается тоска, неподъемная, как стопудовый мешок. Что за жизнь, мать вашу?! Почему вокруг одни *хуматоны*? И почему я о них вспоминаю, это же чушь, порождение нездорового рассудка!

Выпить удастся спустя несколько дней, в компании Монаха. Свято место возле сквера пусто, значит, гора пойдет к Магомету. То есть я направляюсь в мастерскую, расположенную неподалеку от дамбы, чтобы застать уже нетрезвого Сашку. И хотя визиту не очень рады (Монах какой-то мрачный), мне наплевать. На правах старого знакомого прохожу внутрь, ставлю бутылку на заляпанный красками стол, после чего приближаюсь к окну и долго смотрю на открывающуюся панораму.

– У тебя за окном – лучший городской вид. Овраг в зелени, домишки, кусок поймы, Покровский собор... Ни одной заводской трубы! Ни одной дурацкой хрущевки!

За спиной шебуршат, вроде как закуску готовят, затем раздается хриплый Сашкин голос:

– Ты уже это говорил.

– И что? Могу повторить. Больше не пинешь любимый пейзаж?

На стол со стуком выставляют стаканы.

– Ладно, наливай...

Мы выпиваем, занюхиваем хлебом и какое-то время молчим. С Сашкой можно молчать, не чувствуя неловкости, что редко бывает. Можно и говорить, и мы наверняка сегодня поговорим (а уж выпьем сколько!). Но пока Монах молча

удаляется за выгородку, где у него оборудована импровизированная кухня, я погружаюсь в воспоминания. Они нынче избирательны, мозг сам решает, что именно выдать нагора, и на сей раз выдает спор после одной заезжей выставки. В нашу провинцию как-то завезли инсталляции столичной знаменитости, научившейся работать со сварочным аппаратом и заполнившей Центральный выставочный зал грудой блестящего металла. Именно грудой, поскольку мастер отрицал фигуративность, и требовалось изрядно напрягать фантазию, чтобы разглядеть в нагромождении стальных листов, болтов и шестеренок что-то узнаваемое. Сашка написал в книге отзывов: пункт приема черных и цветных металлов расположен по такому-то адресу, туда всю выставку и следует отправить! Я же взялся защищать гастролера, мол, художник отпускает воображение на свободу, а далее сам решай – идти за ним или в обратную сторону.

– Да где тут воображение?! – горячился Монах. – Безумие, его культ в чистом виде! Сейчас каждый второй культивирует в себе безумца, мода, блин, такая! И этот сварщик – из их числа!

– Но художник всегда немного безумец! Взять, к примеру, Босха или Сальвадора Дали...

– Трижды ха-ха! Босха корежило от жизни, он преподносил миру зеркало! Чтобы мир содрогнулся от своих безумств! А Дали... Не обращай внимания на открытки.

– Какие открытки?!

– Картины с этими стекающими часами, расчлененками... Посмотри графику к Дон Кихоту, там настоящий Дали, не поповый!

В моей жизни все было тип-топ, поэтому я энергично продолжил защиту тех, кто выходит за край и нарушает табу. Они представлялись ледоколами, вспарывающими лед сервильности, буревестниками, реющими над глупыми пингвинами, и, если кто-то выходит за грань психической нормы – простим безумство. Кажется, я даже цитировал стих: «Простим безумство – разве это // Сокрытый двигатель его? // Он весь дитя добра и света, // Он весь свободы торжество!» А Сашка саркастически хохотал, мол, какой свет?! Тем паче свобода?! Безумие привлекает, затягивает, приносит бабки, создает мифы, но не светит! Это голимый расчет, бизнес и ничего личного!

Теперь воззрения сменились, я сделался ретроградом и охранителем; будь моя воля, напрочь запретил бы любой авангард специальным указом. А в комментариях написал бы: вы что думаете, мастера культуры, у вас та самая пленка толще, чем у других? Не обольщайтесь! Такая же, может, и тоньше, поэтому не рыпайтесь на мироздание, помните про судьбу Антонена Арто и проч. Эй вы, небо, снимите шляпу! Да это ты сними шляпу, чучело дерзкое, и пади ниц! Тех же, кто на этом бабки наваривает, я бы публично сек на площадях. Заголял бы задницу и при большом скоплении народа – раз! Еще раз! Как, прибавилось ума? Спрятал сварочный

аппарат? Теперь бери в руки кисточку и начинай с азов постигать подлинное искусство!

Из-за выгородки Монах появляется с предметом, прикрытым мешковиной. Холст? Похоже, только открывать его не спешат, ставят в угол. Мы еще выпиваем, после чего задаю вопрос: зачем покинул сквер? Хорошее место, другие займут!

– Пусть занимают... – машет рукой Сашка. Я вдруг вспоминаю румяную физиономию Дудкина.

– На бывшего мэра не хочешь шарж нарисовать? – говорю злорадно. – Он не просил об этом, но явно заслужил!

Приятель еще больше мрачнеет.

– Завязал я с шаржами. Надоело, уже людей начал воспринимать как уродов. Вот теперь чем занимаюсь...

Он снимает мешковину, открывая взору... Не произведение, скорее, подмалевок, абрис человеческой фигуры. Фона пока нет, один белый грунт, на котором прорисован силуэт без лица, вместо него – бесформенный желтоватый блин. Узнаваемости придают разве что русые кудри, что выбиваются из-под черной блямбы на голове, изображающей берет.

– Себя, любимого, решил увековечить?

– Вроде того. Только плохо получается.

– Что ж так?

– Вначале себя понять нужно. А с этим проблема. Смотрю на свое отражение, смотрю, а толку ноль! Если человек – это некая книга, то я сейчас гляжу в книгу и вижу фигу!

Он придвигает обсиженное мухами зеркало, где отражаются два потрепанных жизнью персонажа: русский, с проплешинами на голове, и седой, с глазами больной собаки. Два сапога пара. Старые (как минимум – немолодые) придурки, оба разведенные, разница в том, что у Монаха вообще нет детей, а у меня...

Внезапно становится дурно, и я отворачиваюсь.

– Убери зеркало! – машу рукой.

– А что такое? Тоже видишь фигу?

– Нет, просто не люблю...

Однако саму зеркальную тему так легко не уберешь. Под водочку и немудрящую закуску слушаю о том, что автопортрет – особый жанр, его с бухты-барухты не пишут. Время должно наступить особое, когда захочется изобразить самого себя с такой силой, что спать не можешь! Да, кто-то самолюбованием занимался, не без того, но большинство великих создавало автопортреты в переломные моменты жизни. Отмечая эти самые... Этапы судьбы? Вехи судьбы?

– Поворотные пункты, – говорю, – но ты-то куда поворачиваешь?! И с каких пор записался в великие?!

Вот она, шлея под хвост, когда пьянеешь и бросаешься в стихию спора, как в бурлящий поток. Эх, вывози, кривая! Перебивая друг друга, мы поминаем Рембрандта, Брюллова, разумеется, да Винчи и, ясен пень, Ван Гога. Автопортрет с отрезанным ухом – нечто, для всех времен и народов!

– Тоже веха судьбы?! – напирая. – У человека приступ

шизофрении, он режет себя ухо, и это ты считаешь поворотным пунктом?!

– Да не в ухе дело! – орет Сашка. – А в том – почему отрезал! Вот где вежа, этап и поворот!

Далее вопим о трудностях самопознания, когда отчуждаешься от себя, не умея понять: кто ты? что ты? А главное, зачем, дубина, землю топчешь и небо коптишь?! Появляется вторая бутылка, затем бежим за третьей, продолжая не столько спор, сколько совместный плач о том, что искусство в загоне, живопись умирает и новые халтурщики одерживают победы на всех фронтах! Схватив меня за грудки на пороге мастерской, Монах кричит мне в лицо:

– Но мне плевать на их победу! Слышишь?! Плевать! Главное, самому не стать халтурщиком!

– Саня, ты не халтурщик! Ты – великий!

– Трижды ха-ха! Великий Монах рисует шаржи земляков! Нет уж, увольте! Мое дело – автопортрет! Надо набраться сил, прорваться сквозь собственную тупость, косность, что-бы... В общем, я чувствую: после этого что-то изменится! Обязательно изменится!

На пике опьянения и азарта сознание очищается от шелухи, от повседневных проблем, ты вроде как выходишь за собственные рамки, раздуваясь, словно аэростат. То есть вылетаешь в стратосферу духа, забывая о тех, кто копошится внизу. Где вы там, мураши-человечки? Вас даже в бинокль не разглядеть! Но проходит час, другой, ты бредешь по горо-

ду в расстегнутом плаще, и вдруг порыв ветра. Ты кутаешься, продолжая движение, однако аэростат уже начинает сдуваться. Овраг давно позади, далее парк, сумрачные аллеи, где делается еще холоднее. Тут-то и возвращаешься на грешную землю, сдувшись до размеров воздушного шарика. Тут-то и накатывает то, что старался заглушить, залить водкой, не думать, не думать, не думать...

Ночью сижу в комнате Кая – тот, похоже, не просыпался за время моего отсутствия. Солдатский дух сделался еще гуще, поэтому распахиваю окно. Сквозняк шевелит штору; кажется, что отсюда пытается вылететь душа моего поднадзорного, чтобы отправиться на поиски правды. Есть ли она? Имеется ли волшебное зеркало, в котором может отразиться настоящая душа, а не шарж, придуманный и воплощенный неким злобным художником? Будь я верующим, назвал бы имя врага рода человеческого, заклеил виновника бед да и успокоился. Жаль, с верой проблемы, поэтому виновник аморфен, неясен, нет у него ни рогов, ни копыт. У меня лишь страстное (да еще подогретое алкоголем) желание: набраться сил, куда-то прорваться, как говорит Сашка, и тогда что-то изменится.

На разведку, как положено, посылаю воображение. В гипотетической жизни Кай опять превращается в Максима, который с легкостью заканчивает третий курс и переводится в большой петербургский университет. Диплом, аспирантура, преподавание. Поездки, чтение лекций на языках мира,

участие в международных конференциях. История с Деррида вспоминается уже как забавный анекдот – Макс давно на короткой ноге со светилами философии. А рядом с ним... Нет, не Аня, слишком ненадежна девушка; пусть будет Вера (Надежда, Любовь – не суть важно). Она оберегает молодое светило, берет на себя бытовые заботы и растит детей. Я живу отдельно, предпочитая радоваться успехам на расстоянии. У меня скромные запросы: хочу, чтобы из поездок сын привозил мне трубки. Почему трубки? А вот такая причуда, хочу иметь коллекцию трубок, сделанных в разных странах.

За неимением трубки закурываю сигарету. Клуб дыма лениво ползет в сторону зашторенного окна, олицетворяя душу, что ищет истину. Не первый раз занимаюсь подобным сочинительством, что выглядит очередным абсурдом. Лучше бы в комнате убрался, чем попусту фантазировать! Но сил на уборку нет, к тому же в подпитии наверняка чего-то уроню, и спящий проснется. А оно мне надо?

Раскочегаренное воображение не может остановиться, убегая теперь не в будущее, а в прошлое. Где наш семейный портрет в интерьере? Вернувшись в гостиную, беру стремянку и лезу на антресоль, чтобы извлечь на свет божий картину в дорогой раме. На ней слой пыли, который удаляю носовым платком. Прислоняю картину к стене, направляю на нее свет настольной лампы, сам присаживаюсь в кресло. Ну, привет, несуществующая ячейка общества! Изображение вполне Монахом в импрессионистической манере, чем Зоя была

недовольна, жаждала полного сходства. А вот меня результат устроил. Позировали мы, правда, по отдельности, график работ-учеб не позволял собраться воедино: я забегал в мастерскую, супруга предпочитала, чтобы ее писали на дому, а Макс, тогда еще школьник, вообще передал Сашке свою фотографию, чтобы не тратить время. Где была дочь? В проекте, по-моему, она появилась на свет через полгода после создания портрета.

Теперь, глядя на воздушные силуэты, склонившие головы друг к другу, испытываю ностальгию пополам с раздражением. Вот какого черта этот помпезный багет заказал?! Самомнение било через край, хотел на видное место вывести, мол, любуйтесь, гости дорогие, на эту гармонию! И в то же время от картины веет чем-то несбывшимся, что имело шанс, но так и не состоялось...

* * *

Я по-прежнему использую любую возможность отвлечься, сбежать от проблем. Только вижу норку, в которой можно скрыться – моментально ныряю. Вот с чего бы идти навстречу Эльвире, с которой год, наверное, не виделся? С чего вообще слушать взволнованный щебет в телефонной трубке? Надо же: я обязан ее спасти, иначе наступит ужас, ужас, ужас!

– От кого тебя надо спасать?!

– От злых официантов! Они требуют, чтобы я расплатилась!

– А что они должны требовать? Чтобы ты утопилась в Пряже?!

Спустя минуту выясняю: она в ресторане «Центральный», а визави ушел, прихватив ее рюкзак и оставив абсолютно без денег.

– Я арестована, вникаешь?! Еще пару часов, и отправят в тюрьму!

– То есть за тебя надо расплатиться?

– Ага. Иначе я погибла!

Эльвира умеет давить на жалость и блеять детским голоском, используя бесспорный талант травести. Прима местного ТЮЗа, с виду девочка-припевочка, та умела располагать к себе мужчин, очаровывать старичков, даже подростки в нее влюблялись.

– Как же ты с кавалером прокололась? – не удерживаюсь от ехидства. – Уйти от такой женщины... Невероятно!

«Девочка» раскручивала ухажеров любого возраста по полной программе, благо, в эпоху перемен прошла школу консумации, да не где-нибудь, а в Японии. ТЮЗ тогда пребывал на грани развала, и травести Эльвира по чьей-то наводке рванула в Осаку, где проболталась год. Вернулась с чемоданом кимоно и запасом валюты, от которого вскоре остались одни воспоминания. А поскольку *красиво* жить не запретишь (любила Эльвира жить красиво), в ход пошли ак-

терские приспособления.

Топаю в «Центральный» с облегчением, хотя знаю: Эльвира не отпустит, пока не опустошит бумажник, а заодно и душу. Не фиг было в свое время крутить роман с травести, теперь расплачивайся! Но лучше уж так расплачиваться, чем по-другому...

Через несколько минут вижу на входе крошечную фигурку в джинсовом комбинезоне, рядом высится внушительный черно-белый силуэт официанта (а может, метрдотеля). Официант-тире-метрдотель окидывает меня сумрачным взглядом.

– Будем расплачиваться?

– Будем. Но позже.

Взяв Эльвиру под руку, направляюсь в зал.

– Почему позже?! – семенит она рядом. – Надо сейчас!

– Сейчас хочу тебя угостить.

– Ой, серьезно?! Ты настоящий друг!

– Всего лишь?!

– Ну, ты же сам меня бросил!

Это правда, бросил, хотя причины травести не знает (надеюсь, а там бог весть!). Мы усаживаемся за столик, на котором недопитый коньяк, допитое шампанское, куча тарелок... Основательно прожигали жизнь, ничего не скажешь!

Тут же делаю заказ. Эльвира хлопает в ладоши, чуя во мне спасителя, такого начинающего волшебника. «Я не волшебник, я только учусь...» Почему в голову лезет всякая хрень?!

А потому, что в свое время Эльвира играла Золушку и заставляла меня писать о ней хвалебные статьи.

– Ну что? – усмехаюсь. – Карета превратилась в тыкву?

– Ой, точно! Но с твоим приходом все переменилось! Давай за это выпьем, пока заказ несут!

Она разливает коньяк.

– Помнишь, значит, мою Золушку?

– Такое трудно забыть!

Мы выпиваем, и вот уже приносят салаты, а пустую посуду уносят. Вторая серия гулянки для Эльвиры, похоже, привычна (японская школа!). Кто, интересно, был героем первой серии?

– Ой, ты его не знаешь! А может, и знаешь – Бурыкин, он в музучилище преподает. А в свободное от работы время музыку пишет, композитор хренов. Начал напевать что-то из своего, а я возьми и ляпни: я, мол, где-то такое слышала! Он аж со стула вскочил: «Хочешь сказать – это плагиат?!» Обиделся смертельно! Начал собираться, схватил мой рюкзачок – и с концами! А свой оставил!

Эльвира вытаскивает из-под стола рюкзак из плащевой ткани.

– Думала, там деньги есть, а нашла только сигареты и презерватив! Если бы не ты...

Что особенного в обиде средненького мелодиста, который предпочел ущемленные амбиции – страсти? Презерватив однозначно говорит о страсти, да вот незадача: художника оби-

дели! И что странного в звонке Эльвиры? Мы в конце концов тоже занимались сексом, причем без всякой контрацепции. Однако в целом картинка вполне абсурдная: жизнь исполнена нелепостей, она уродлива и глупа, и я сам не понимаю, почему осознавать такое – приятно.

– Чего в театр не показываешься? А? Раньше часто забегал!

– Вышел из юного возраста... – усмехаюсь. – А если честно – работа заела, просто головы не поднять!

– Работа, работа... Где же любовь?! А-а, ну его к черту, этого Бурыкина! Я его забыла, плагиатора несчастного. Давай за нас! За продолжение отношений! Ты теперь разведенный, я вообще девушка незамужняя... Ох, как я ревновала к твоей жене! Как увижу физиономию в телевизоре – прямо тарелку бросить готова! Теперь, слава богу, не маячит перед глазами. Она уехала вроде?

– Уехала. И хватит о ней, хорошо?

Эльвира приближается к опасной черте, за которой располагается мой персональный ад. Я сам решаю, кого впускать в него, кого – не впускать, в данный момент это вообще закрытое пространство!

Лицо травести вдруг вытягивается. Она что-то видит за моей спиной, но что именно, не успеваю понять – горло захватывает чужая рука.

– Ах ты сука! – слышу разъяренный голос. – На пять минут отошел, а ты уже место занял?!

Меня душат, причем всерьез. Эльвира кричит, мол, какие пять минут, козел?! Тебя больше часа не было! А рука мелодиста (а это, без сомнения, Бурыкин) все сильнее сжимает горло, в итоге у меня темнеет в глазах. Хватаю коньячную бутылку, не глядя наношу удар. Звон стекла, вскрик, после чего на пол грохается чье-то тело.

Обернувшись, вижу лежащего на паркете композитора, голова – в крови. Тот пытается встать, но я вскакиваю и ударом в челюсть посылаю его обратно в лежащее положение. Еще попытка подняться – еще удар! Непонятная ярость овладевает мной, будто эта посредственность виновна во всех моих бедах, будто именно Бурыкин олицетворяет злой рок, каковой я не в силах побороть. «Зато тебя, мудака, я побороть смогу, всю морду тебе расколошмачу!»

Избиение останавливает официант (или метрдотель?), накинувшись на меня сзади. Через пару минут в ресторане возникают люди в форме, и я понимаю: попал...

В обезьянник усаживают обоих. У Бурыкина на голове салфетка, набухшая кровью, у меня болит кадык, пережатый этим дебилом. Н-да, выручил девушку. И главное ведь, не пьяный! Ладно, композитор в хлам, ему простительно, но я всего-то две рюмки выпил! Вскоре накатывает стыд. Поглядываю на сопящего Бурыкина и вспоминаю, как несколько лет назад слушал в ДК Строителей его рапсодию. Представленная с помпой (в том числе в нашей газете), композиция была скучной и вялой, народ уходил целыми рядами. Но за

это ведь не убивают!

Внезапно всплывает: надо позвонить домой! То есть кровь из носу как надо, я и начинаю сотрясать решетку. «Эй! У меня есть конституционное право на звонок!» Появившийся полицейский доходчиво разъясняет, кто я такой и где мое место в рамках действующей Конституции. После чего внутри опять вспыхивает злость. «Это вам с рук не сойдет! Я сотрудник газеты, про ваш беспредел будет сделан специальный репортаж!»

– Ты это... – хрипло говорит композитор. – Мне тоже дай позвонить, хорошо?

– Так не отдают телефон! Эй! Дайте позвонить, иначе буду жаловаться!

Вскоре появляется чин повыше, кажется, майор. Выпустив меня, он молча ведет в кабинет и выкладывает передо мной мобильник.

– Звоните.

Замечаю, что руки дрожат, а-а, и хрен с ним! Слышу длинные гудки. На то, что ответят, надежды мало, Кай испытывает к мобильным устройствам почти физиологическое отвращение, но вдруг возьмет трубку?

– Не отвечают? А нам вот удалось дозвониться.

– Кому? – спрашиваю тупо.

– Вашему начальству. Что ж вы, Артем Валерьевич? В таком месте работаете, а устраиваете черт знает что! В общем, попросили прибыть для выяснения, так сказать...

Мне возвращают журналистское удостоверение, а спустя полчаса вижу перепуганную физиономию главного. Он извиняется перед майором, дескать, досадная случайность, нашего сотрудника наверняка спровоцировали! Что соответствует действительности, душить-то меня первого начали. Но случайность ли это? То-то и оно, что закономерность. Желание расколошматить этот дурацкий мир охватывает нередко, чего греха таить, и, если мир олицетворяет рожа Бурыкина – страдает Бурыкин...

Понятно, я молчу. Прошу только, чтобы заодно *вынули* с кичи композитора, мол, интеллигентные люди, разберемся.

– Да уж, интеллигентные... – крутит головой Субботин, но все-таки задействует авторитет. Прощаемся на пороге отделения, серьезный разговор обещают завтра.

На улице уже сумерки, из них выныривает Эльвира.

– Здорово, что тебя отпустили! То есть вас отпустили...

Из дверей как раз выруливает Бурыкин. Не глядя на Эльвиру, берет у нее рюкзак с презервативом и, гордо подняв голову, удаляется в темноту. Собственный рюкзачок у травести за плечами, в руках она держит мой бумажник.

– Держи, – протягивает, – мне оттуда немного взять пришлось, ну, за бой посуды заплатить...

– Умница, – говорю, – завидую твоему самообладанию. О, ты еще вина купила! На чьи деньги? Впрочем, неважно, пойдем, отметим освобождение...

Мы сидим на берегу Пряжи, пьем из горла вино, смотрим

на воду. Не самая живописная речка представляется то ли Стиксом, то ли Ахеронтом, словно моя жизнь кончилась. А ведь сейчас самый расцвет: и здоровья еще вагон, и карьера на взлете (после таких событий, правда, она может покатиться под уклон). Только неинтересна карьера, вот в чем беда. И здоровье поддерживать ни к чему, и куда-то ездить, например, в Японию, о которой болтает Эльвира. Кроме Осаки она видела Киото, древнюю столицу, синтоистские храмы посещала, ну и, конечно, сад камней. Это настоящее воплощение покоя и гармонии!

– Где-то есть покой и гармония? – скептически усмехаюсь. – А как же твои кабаки? Где самураев на бабки раскручивала? Сама же говорила: изображала из себя гейшу, строила глазки, чтобы японские мужики побольше заказывали! А потом свой процент получала!

– Кабаки – другое дело. При этом, заметь, я с ними не спала. Да они прекрасно знали, что это консумация, но все равно платили! У них так принято!

Я делаю крупный глоток и передаю бутылку Эльвире.

– То есть мир везде безумен. И нечего мне тут рассказывать про сады камней!

Травести тоже запрокидывает бутылку.

– Наверное, ты прав, – говорит после паузы, – в этом мире никто никого не любит. Вот и ты меня не любишь. Может, хотя бы трахнемся? Пошли к тебе? Я отдамся, честное слово! Я по тебе соскучилась!

Жаль, что я не соскучился. Эльвира симпатичная, фигурка точеная, и в постели горяча; а вот я холодный, как лягушки, чьи голоса разносятся над водой. Допиваю вино, кидаю бутылку в Пряжу и наблюдаю, как ее уносит течением. Вот и нас точно так же куда-то несет, а куда – мы не знаем. Что я вообще тут делаю? Что за идиотские приключения с представителями пряжской богемы?!

– Ко мне нельзя, – наконец отвечаю.

– Почему? А-а, знаю почему! У тебя же сын... Ну, того.

– Чего – того?! – напрягаюсь.

– Ку-ку, в смысле.

Тщательно скрывааемый секрет оказывается, по сути, секретом Полишинеля. Вот и до моей травести, у которой племянница посещает ту же Мальцевку, дошла история о том, как сбрендил ведущий студент, легенда факультета. Что делать? Отрицать глупо, жаловаться – противно. Теперь важно: как себя поведет Эльвира, она ведь не в курсе, что имеет дело с проводом высокого напряжения, который бьет так, что искры из глаз...

Увы, она ведет себя не лучшим образом. Уговаривает не страдать, не гнобить себя во цвете лет, а раз уж такое случилось, отдаться на волю треклятых эскулапов. Тем более у нее работает знакомая в Пироговке, куда можно поместить моего Кая. Да, условия не лучшие, но та проследит, чтоб не обижали и не кормили дерьмом.

– Там кормят дерьмом? – криво усмехаюсь.

– Понятно, не ресторан «Центральный»! Но если приплатить, поставят на индивидуальное питание.

Напряжение в проводнике нарастает, рубеж 220 вольт уже перейден, того гляди – заискрит.

– Ну что? Если к тебе нельзя, может... – она озирается, – прямо здесь?

Эльвира присаживается на мои коленки, обнимает, лезет рукой в промежность. Самое ужасное: все делается из лучших побуждений, так сказать, от души. Женщина действительно меня хочет; и я, если не буду идиотом, получу законный кайф (заслужил!). Но я буду идиотом, раздраженным и злым, отрицающим законные радости жизни.

– Отвали... – цежу сквозь зубы.

– В смысле?!

– Уйди! – говорю. – Вообще уйди, или скину в воду!

Спустя минуту, когда цоканье каблучков стихает в темноте, я жалею о своей истерике. Глупо, жизнь должна брать свое, а я не должен жизни сопротивляться. Однако отвлечься не получается, мои норки имеют форму хитрого лабиринта, который неизменно возвращает меня обратно...

* * *

Выход на улицу воспринимается как победа. В кои веки поднадзорный причесал лохмы, слазил под душ и захотел прогуляться. Браво, Кай! То есть виват, Максим! Хочется

называть сына именно так, желание воспринимается как луч света в темном царстве. Он надевает новые джинсы, футболку, легкую курточку, ба, просто красавчик! Очень стильный молодой человек, гораздо привлекательнее того хлыща, что кинулся на защиту Ани возле университета. А главное, без всяких гримас и ужаса в глазах бросает взгляд в зеркало, что висит в прихожей. В этот момент я напрягаюсь, но Макс лишь поправляет челку и направляется к двери.

Понятно, я его сопровождаю. Когда выходим во двор, выискиваю взглядом гуляющих с детьми мамаш и старушек на скамейках: фиксируют ли наше появление? Фиксируйте, соседи дорогие, удостоверьтесь в том, что переехавшая семья морально и физически здорова. Крики?! Нет, это не из нашей квартиры, боже упаси! И человек под дождем стоит на другом балконе. Сами-то вы, извините, зачем во время ливня выходите наружу? Вот то-то, на себя лучше внимание обратите!

Затем улица, светофорный переход, еще один, и мы углубляемся в березовую рощу. Это вроде как дикий парк, сыгравший главную роль при размене квартиры. Думалось, Макс будет тут дышать свежим воздухом, в любом случае полезно, а тот оказался сюда раза три – и ушел в затвор. Может, в будущем захочет гулять? Может, еще сам буду возить по дорожкам коляску с внуком или внучкой? Я с готовностью уступлю жилье молодой семье, уйду на съемную квартиру, главное – чтобы семья появилась...

Собственно, я все делаю неправильно. Я чудовищно неправ, и всякий мало-мальски сведущий в медицине может смело бросить мне в лицо обвинение. Дескать, что за чушь – в век продвинутых лечебных технологий, в эпоху трансплантации органов и кардиостимуляторов на литиевых батарейках заниматься такой самодеятельностью! Запер сына, как «Железную маску» какую-нибудь, пичкает желтенькими таблетками (а до этого синенькими пичкал) и ждет, что мозги просветлеют! Не садист ли вы, батенька?! Не преступный ли замысел лелеете?! Вы ведь даже четкий диагноз не установили, не приклеили бирку на лоб вашего поднадзорного, только глупости всякие выдумываете! Надо же, Каем обозвал! Или того хуже – йети! Есть классификация, градация, симптомы-синдромы, из коих следует: поднадзорный болен тем-то или тем-то. Шизофрения, циклотимия, депрессия, истерия, биполярное расстройство, идиотия, деменция, наркотический психоз – выбирай на вкус! Ах, вам уже ставили диагнозы?! И что же вы не успокоились? Не поверили, ну да, теперь в медицине (как в искусстве, политике и футболе) разбирается каждый. Надеюсь, к знахарям сына болезного не возили? К экстрасенсам не записывали на прием? Собираетесь записаться?! Ну, родной, с вами просто не о чем говорить!

Мой незримый оппонент убивает аргументами, втапывая меня в грязь. Остается только посыпать голову пеплом и поднять ручки, пискнув: «Нихт шиссен!» Не карайте строго, все

ж таки просветления случаются, как сегодня, к примеру. Морок вроде уходит, Максим задумчиво глядит на небо, ну просто бальзам на мою израненную душу!

– Макс, смотри – белка!

По стволу березы скачет вверх рыжий зверек. Застыв, оборачивается и устремляет на нас глаза-бусинки.

– Сюда смотрит... – тихо произносит сын, – забавная.

Двигаемся дальше по извилистой дорожке, чтобы вскоре наткнуться на муравейник. Здесь они под охраной, пронумерованы и даже ограждены веревками на столбиках.

– А тут муравьи живут! – указываю на живой холмик. Живым он представляется из-за того, что на поверхности все время какое-то движение, тут суетятся мириады муравьев, организуя свою жизнь...

Вижу, лицо Максима искривляет усмешка.

– А это – береза! – указывает он на ближайшее дерево. – А это – трава!

Зависает пауза, после чего сын произносит:

– Пап, не веда себя как идиот. Если хочешь поговорить – говори по-человечески.

Он устремляется к скамейке, что виднеется на соседней дорожке. А я спешу следом. Мне ничуть не обидно из-за того, что обозвали идиотом – подумаешь! Макс всегда был немного язвой, особенно по отношению к дуракам, значит, возвращается в норму!

– Дай сигарету... – просит, присаживаясь. Торопливо лезу

за пачкой, угощаю. Закуриваю сам, чтобы вскоре услышать:
– Мать давно звонила?

Я молчу, пыхаю дымом. Обижать не хочется, врать тоже (Зоя вниманием не балует).

– Что ж, я ее понимаю... – говорит сын. – Будет звонить – передай привет. И скажи... Нет, ничего не говори. Просто привет.

И опять наблюдаю человека. Мог бы жаловаться, ныть, оскорблять малодушную мамашу, а он вот ограничивается приветом. Гордость, значит, проявляет, что абсолютно естественно...

– А насчет зеркал... Мне действительно страшно в них глядеть. Обычный человек смотрит в зеркало – и ничего не видит, ну, кроме себя. А я вижу что-то такое, отчего волосы дыбом.

– И сегодня тоже? Ну, дыбом?

– Сегодня нет. Но придет завтра. Или послезавтра. И все начнется по новой...

– Может, их совсем убрать? – предлагаю решение.

Максим опять усмехается:

– Зачем? Вместо них что-нибудь другое появится.

Я же мысленно твержу: не появится, не появится! И завтра-послезавтра будет все хорошо! Критика возникла, рас судительность появилась, это должно закрепиться!

Вечером подглядываю в приоткрытую дверную щель, вижу, как Максим роется на книжных полках. Берет, кажет-

ся, Витгенштейна (а может, Шопенгауэра) и, присев за стол, начинает листать. Вначале медленно, вчитываясь в какие-то страницы. Потом быстрее, еще быстрее, можно сказать, лихорадочно листает. И вот – книжку швыряют в угол, а Макс сжимает голову ладонями и сгибается пополам. Фиаско! Мозг где-то споткнулся, не набрал обороты, и сознание летит под откос, будто взорванный поезд...

Вот еще доказательство того, что передо мной двойник. Настоящий Макс прочитывал такие книжки пачками да еще исчеркивал их все, делал массу выписок, чтобы потом нава-ять апологетическую либо разгромную статью. А тут?! Это же подмена, мошенничество чистейшей воды!

На следующий день он просит увеличить дозу таблеток. Каких таблеток, сынок?! Я включаю дурака, делаю вид, что *желтеньких* не существует в природе, но Макс, оказывается, в курсе моих манипуляций с препаратами. Что ж, оно и лучше. Сын проглатывает сразу три штуки, уходит в комнату и ложится на диван лицом к стене. По идее, такая доза должно срубить, но – не рубит! Ночью слышны шаги в его комнате, куда я боюсь заходить. Страшно – увидеть искаженное лицо человека, который с трудом сдерживает рвущийся изнутри крик: «А-а-а!»

Поняв, что устойчивое состояние не удержать, впадаю в прострацию. Четыре таблетки нужно? Бери четыре. Хочешь шесть? И такое не возбраняется, но учти – это предел, выписавший рецепт консультант поставил красную черту. Или

красная черта – это восемь таблеток? Десять? Прострация путает содержимое головы, перемешивает знание и безответственную выдумку. Я предчувствую катастрофу, вот что важно. Самолет вошел в штопор и стремительно теряет высоту, его уже не спасти...

Самолет всплывает внезапно, спровоцированный одной фантазией Макса. Он почувствовал себя в салоне самолета, чьи двигатели гудели, но не работали. Обман, динамо, ведущее к катастрофе! Только пассажиры (салон набит под завязку) этого упорно не замечали. «Люди, двигатели выключены! – кричит тот, кто знает подоплеку. – Мы не летим, мы падаем!» А в ответ гомерический хохот, в паникера тычут пальцем, а один из пассажиров и вовсе грозит кулаком. Самое странное: они хохочут, даже когда видна земля, что приближается с невероятной скоростью. До гибели какие-то секунды остаются, а эти придурки кофе заказывают! В очередь в туалет выстраиваются!

– И чем же дело кончилось? – любопытствовал я.

– Я их оставил. Открыл дверь, вышел наружу – и полетел. А они грохнулись и все погибли.

Разница в том, что мне из самолета не выйти. Дверей то ли нет, то ли их заклинило, короче, мне предстоит грохнуться так, что костей потом не соберешь.

В одну из ночей падение все-таки происходит. Правда, без всякого самолета (но и без парашюта!). Я лечу вниз – туда, где клубится густая серая мгла, вроде как падаю в жерло ды-

мещающегося вулкана. А тогда судьба моя незавидна: пролететь сквозь дым и пепел, чтобы свариться заживо в луже кипящей лавы. Или внизу меня ждет что-то другое?

– Другое, – подтверждает некто невидимый, – ты падаешь в пропасть рождения. О ней писали буддисты, а также Чоран и твой сын. Ужас перед рождением, страх перед жизнью, каковая есть чудовищное страдание, а может, и безумие – вот что их волновало...

– Меня не волновало! – кричу. – Мне-то зачем эта пропасть?!

– Ты должен родиться обратно. Уйти в смерть.

– Зачем?!

– Чтобы понять своего сына. Ответ на ужас жизни – смерть заживо, схлопывание ракушки. Там, внутри ракушки, возможны любые фантазии, любой бред, но он – внутри. Это фантазии смерти, которые ты должен осознать и принять.

Понятия не имею, кто несет эту лабуду, возможно, дух мыслителя Чорана. Тем временем погружаюсь в облако, вокруг хоть глаз выколи, а главное, неизвестно, чего ждать. Дух волен плести любую ахинею, вопрос: доверять ли ей? Что там внизу?!

А там круглая площадка, на ней стол, за ним сидит плотный круглолицый мужик, перебирает бумаги. Приземлившись, отряхиваюсь (на одежде вроде как слизь налипла) и вздымаю руки:

– Ну вы даете, месье Чоран! Ваши пессимистические концепции – сугубо ваше дело! Я-то тут причем?!

Мужик вскидывает удивленные глаза.

– Вы меня с кем-то путаете, дружище. Впрочем, сейчас не время, не время... – он пододвигает ко мне бумаги. – Полюбуйтесь!

Я с недоумением разглядываю листы, на которых нарисованы круги с пересекающими их линиями.

– Что это?!

– Ваш посмертный гороскоп. Очень любопытная судьба, очень! Вам придется бесконечно перемещаться из одного зеркала в другое. Можно сказать, вы станете пленником зеркального тоннеля, или, если угодно, пленником амальгамы!

Я кручу головой.

– Нет уж, давайте это дело отложим! Я еще пожить хочу, а что там после смерти – будем, как говорится, поглядеть!

– Так глядите! Вы родились обратно, ушли в смерть, теперь соответствуйте предназначению!

Из-под стола извлекаются два зеркала, их ставят напротив друг друга. После чего следует приглашающий жест, дескать, встаньте сюда! Мое место между зеркалами, которые должны превратить меня, по сути, в солнечного зайчика, скачущего туда-сюда, туда-сюда...

– Послушайте, месье Чоран или как там вас...

– Неважно. Прошу!

– По-моему, мне рано поглощаться зеркалами. Надо что-

то понять, что-то сделать...

– Там все поймете. Ну? Я жду.

И как поступать? Не отстанет же, гад, по глазам вижу! Ласковые такие глаза, а на дне – лед, могильный холод!

Выход находится, когда замечаю на столе мраморный письменный прибор, на удивление похожий на тот, что был подарен коллегами к очередному дню рождения. А главное, тяжелый! Хватаю его со стола, размахиваюсь, а дальше – звон стекла и брызги осколков!

Я ожидаю репрессий, страшных наказаний, но мужик весьма добродушен, даже в ладоши хлопает.

– Bravo! Соломоново решение! Точнее, решение великого Александра, разрубившего Гордиев узел! Брависсимо!

– Бросьте... – машу рукой. – Какой я, к черту, Македонский? Кстати, пора познакомиться. Вас зовут месье...

– Ковач. И без всякого месье. Просто Виктор Ковач. Себя можете не называть, я про вас все знаю.

– Так уж и все?

– Даже то, о чем вы не догадываетесь!

Только расспросить не получается, сон подходит к концу.

Ковач, Ковач... Откуда он появился? А-а, я же недавно читал в Сети про этого Ковача. Некий московский эскулап, не то чтобы светило, кандидат психологических наук, но статьи пишет смелые, дескать, вижу путь! Не метод у него, не разработанная терапия психозов, а, понимаете ли, путь! Нить Ариадны заполучил кандидат, каковой говорил

про психическую смерть больного. Тотальный затвор, капсула вместо сознания, по сути – невидимый гроб, в который в силу разных причин помещена душа безумца. Он может лежать там смирно, может колотить в крышку со страшной силой, но самому ему оттуда не выбраться. И Ковач не может взломать гроб, ведь он не бог. А вот если приложить усилия с обеих сторон – есть шанс покинуть капсулу, выбраться из нее, будто бабочка из куколки.

Дабы подкрепить свои измышления, автор приводил отзывы западных коллег, писал что-то о практике в клиниках Франции и Южной Кореи, а еще грозился изложить основы терапии в следующей статье. Только не было никакой статьи, как я ни искал. Автор замолчал, на сайте остался лишь портрет, где он и впрямь выглядел мужчиной плотного телосложения. Лицо округлое, вроде как доброе, но глаза – явно не добряка. Темные глаза, глубокие, видно: человек прошел огонь и воду. Так чего ж молчишь?! Сказал «А», говори «Б»! Или ты халтурщик, голову морочишь несчастным людям? А может, того хуже, изобрел очередной способ честного отъема денег?

Портрет сохраняет безмолвие. За стеной опять слышны шаги, они делаются все быстрее, и я в страхе сжимаюсь, ожидая чего-то страшного...

4. Капитан

Зря считала голос мавром, он таки возвращается, причем в самый напряженный момент, когда мучительно размышляю над фразой, записанной в дневнике. Краски отобрали; и карандаши попрятали, чтобы «шубу», не дай бог, не попортила, остался лишь толстый блокнот на пружинке с недописанной лекцией по истории искусств. Это там было про Фидия, Пигмалиона и прочих деятелей, безжалостно выдранных из блокнота. Теперь передо мной девственная поверхность белых листов, на которые я должна излить... Тут-то и возникает закавыка – *что* излить? И *кто* будет изливать?! Кому-то смешно, наверное, от таких вопросов, вроде бы плевое дело: сесть и записать то, что произошло за день. Правильно ведь? Дневник от слова «день», эти события и следует записывать. Но мне, знаете ли, и ночью скучать не приходится, по ночам даже интереснее. А тогда что же, писать «ночник»?! Хотя главное другое. Мне крайне трудно (точнее, невозможно) написать что-нибудь от первого лица. Начинаю писать: «Я вышла из дому...» – и тут же спотыкаюсь. Что еще за «я»?! Нет связи между этим местоимением и моими руками, ногами или неказистой физиономией, что отражается в зеркале. То есть одна часть мозга кричит: «Да это же я, я, я!» А другая скептически ухмыляется: «Ах, это ты?! Тогда надо писать от “ты”! А еще лучше писать “она”, так

будет вернее!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.